

Иванова Елена Юрьевна

**Логико-семантические типы предложений.
Неполные речевые реализации
(в русском и болгарском языках)**

· Специальность 10.02.01 - Русский язык
10.02.03 - Славянские языки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Работа выполнена на кафедре славянской филологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук профессор Казаков Владимир Павлович

доктор филологических наук профессор Проничёв Виктор Павлович

доктор филологических наук профессор Чувакин Алексей Андреевич

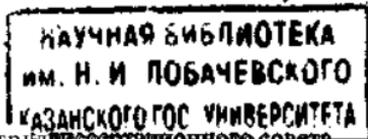
Ведущая организация - Институт славяноведения и балканистики РАН

Защита состоится 20 ноября 2003г. в 16⁰⁰ _____ часов на
заседании диссертационного совета Д 212.232.18 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора филологических наук при Санкт-
Петербургском государственном университете по адресу:

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11, филологический
факультет СПбГУ.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
им. М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан 2 ноября "3" октября 2003 г.

Ученый секретарь диссертационного совета доц. С.А.Аверипа

Диссертация посвящена исследованию неполных речевых реализаций логико-семантических типов (ЛСТ) предложений.

Выявленные Н.Д.Арутюновой [1976] основные логико-семантические отношения на уровне предложения (бытия, идентификации, характеристики) реализуются структурами с определенным набором семантических компонентов. Так, бытийные предложения включают локализатор, объект бытия и бытийный предикат, для характеризующих важно указание на субъект характеристики и его признак, для идентифицирующих — показатель тождества и объект, обозначенный двумя способами.

В реальном тексте не все элементы обязательно должны быть представлены: те или иные смысловые составляющие могут перемещаться в контекст или вообще не быть выражены. Среди неполных речевых реализаций разных логико-синтаксических структур обнаруживается формально сходная конструкция — это предложение, представленное в речи номинативной именной группой. Диссертация, таким образом, продолжает список исследований, посвященных т.н. номинативным предложениям и однооформленным синтаксическим явлениям. В данной работе предлагается анализ разнообразных номинативных конструкций (НК) с точки зрения семантического и коммуникативного синтаксиса.

Актуальности исследования обусловлена тем, что вопрос о семантике и структуре номинативных предложений до сих пор остается открытым. Неотчетливость их субъекто-предикатного членения и неудовлетворительность подлежащно-сказуемого разбора, стилистическая маркированность, лексические ограничения и контекстуальная зависимость многих номинативов с бытийной семантикой приводят лингвистов к мысли о том, что методы конструктивного синтаксиса недостаточны для исследования данных построений. С другой стороны, изучение предложения в терминах семантических составляющих и введение понятия неполных речевых реализаций логико-синтаксических (Н.Д.Арутюнова) и структурно-семантических (Г.А.Золотова) типов предложений позволяют но-новому взглянуть на те конструкции, которые используют одну «упаковку» для выражения различной семантики. При этом подходе предложения номинативной формы можно рассматривать как речевые варианты разных семантико-синтаксических структур.

Данный аспект анализа номинативных построений выявляет ряд еще не поднимавшихся лингвистикой проблем в области как семантического синтаксиса, так и синтаксиса текста. Так, оказывается, что вопрос о возможности реализации **бытийного** ЛСТ только именем объекта бытия гораздо сложнее, чем это может показаться при рассмотрении очевидных примеров с перемещенным в контекст локализатором (далее подчеркнут): *Она быстро выдернула ящик. Рыжий портфель* (В.Набоков); *Я сунул дрожащую руку в карман за бумажником. Только песок!* (В.Попов), поскольку лежащие в основе бытийных предложений смысловые отношения допускают толкование и локализатора, и бытующих объектов в самом широком и условном смысле, ср.: *В книге много интересных мыслей; Вокруг суета; В стране беспорядки; У меня на душе покой; В ней есть что-то неприятное; У него прекрасная техника исполнения; Уводы неприятный запах* и т.п. Каким образом и с какими семантическими последствиями реализуются в однокомпонентном варианте подобные бытийные структуры? Как ведут себя при перемещении в предтекст различные виды локализаторов? Смогут ли бытийное значение при таких трансформациях выдержать формальный распад логико-синтаксической структуры?

Поэтому вслед за вопросом о том, «всякое или не всякое бытийное предложение... способно редуцироваться» [Т.Е.Лпошкипа 2000], встает вопрос о том, удержится ли такое «редуцированное» предложение в рамках бытийного типа.

До сих пор не рассматривались с точки зрения логико-семантического анализа неполные варианты **идентифицирующих** предложений: *Вдруг у Гриши поднялось настроение- понял, что сюда идет кто-то... Подруга Люськи Лариса, Вот она вошла и сразу встала на диск «Здоровье», начала крутиться...* (П.Горланова); *Не оборачиваясь, одним только уголком глаза, я вижу: розовые, распростертые крылья-уши, двояко-изогнутое... он!* (Е.Замятин). По каким причинам, с какими лексико-семантическими и семантико-прагматическими последствиями осуществляется речевая реализация предложений идентифицирующей семантики только одним эксплицированным компонентом, как эти конструкции должны отграничиваться от одноформленных бытийных, именующих и характеризующих ПК, каковы идентифицирующие возможности именных групп (ИГ) разного денотативного статуса, — все эти вопросы требуют непременно рассмотрения для правильной семантической трактовки

номинативного построения. В области характеризующего ЛСТ (*Дома Нина застала Варю. Неприятная неожиданность!* (А.Рыбаков)) требуется расширить представление о характеризующих номинативах наблюдениями над их текстовыми функциями и типами антецедента, обуславливающими лексико-семантическое устройство таких конструкций.

Доказательство возможности разных логико-семантических интерпретаций изоморфных конструкций составляет только одну часть нерешенных вопросов лингвистики, связанных с номинативными предложениями и одноформленными синтаксическими явлениями. Другая группа вопросов — выявление и семантическая характеристика номинативов, функционирующих в усложненных синтаксических и семантических условиях. «Среда обитания», то есть то синтаксическое и смысловое окружение, в котором функционирует предложение, может оказать воздействие на его ЛСТ и даже предикативный статус. До какой степени неполные варианты разных ЛСТ способны выдерживать смещение семантических и синтаксических акцентов, что определяет их устойчивость или нестабильность? Решению этих вопросов посвящена отдельная глава данной работы.

Поставщиками предложений той же формы оказываются явления расчлененного, «рубленого» синтаксиса. Любое вычленение, особенно обозначенное финальными знаками препинания, предполагает более независимое семантическое и синтаксическое поведение отчлененного сегмента. В парцелляте могут быть утрачены грамматические показатели подчинительной связи, возможно и формирование дополнительных смыслов, которые не позволяют видеть в субстантивной группе только парцеллированный элемент предшествующего предложения, ср., например, подытоживающее значение отчлененной части; *Живая сестра сказала ему, когда они тли с кладбища, что тарасовский домик принадлежит ей, и только ей, и нечего ему рот на него разевать... Сестра смотрела на него таким точечным взглядом, что у него кольнуло в подреберье, но, правда, сразу и отпустило, а вот взгляд сестры запечатался в нем раз и навсегда. Взгляд алчной ненависти* (Г.Щербакова). В болгарском языке такое отчленение может сопровождаться и сменой артиклей, показывающей, что субстантивный сегмент принял на себя главную синтаксическую функцию в предложении: *Никой не познава вкуса на снега. Той сега го знае. Студен и твърд като желязо. Вкусът на смъртта* (Б.Димитрова).

При каких синтаксических и семантических условиях легче всего совершается разрыв парцеллята с порождающей его структурой, сегмент какого ЛСТ высвобождается в результате этого процесса, какие грамматические и смысловые изменения придают ему статус предложения, как это отражается в артиклевом языке (болгарском), — комплекс этих проблем также требует рассмотрения при системном анализе данного языкового явления.

В рамках сопоставительного лингвистического анализа важно проследить, в чем проявляются расхождения между языками при неполных речевых реализациях предложений разных ЛСТ. С этой точки зрения интересно взглянуть на болгарский язык, в котором, несмотря на генетическую близость к русскому, сконцентрирован ряд специфических грамматических характеристик, определяющих его типологические особенности, в частности: 1) принадлежность к группе языков *habere-* (а не *esse-*) типа; 2) обязательность связки в именном сказуемом; 3) отсутствие именного склонения; 4) наличие грамматических показателей категории определенности / неопределенности.

Целью исследования является разработка принципов интерпретационного анализа изоморфных речевых реализаций предложений разных ЛСТ и применение этих принципов к русскому и болгарскому языкам.

Для этого представляется необходимым решить следующие задачи:

1. Доказать, что предложения номинативной формы являются речевой модификацией разных логико-синтаксических структур, для чего требуется:

а) показать, в каких условиях и с какими семантическими и грамматическими последствиями осуществляется речевая реализация предложений трех наиболее частотных ЛСТ (бытийного, идентифицирующего и характеризующего) в виде НК,

б) выявить способы и средства, которыми обеспечивается «поддержание» логико-семантических отношений при реализации ЛСТ только номинативной конструкцией, и условия, в которых не удастся обеспечить устойчивость выражения исходной семантики при наличии этого единственного компонента логико-синтаксической структуры.

2. Изучить специфику функционирования неполных (однокомпонентных) реализаций при разных «коммуникативных стратегиях» [Т.Е.Янко 2001] говорящего.

3. Исследовать особенности семантической и синтаксической интерпретации НК при их употреблении в разных типах текстов.

4. В целях сопоставительного анализа необходимо: а) установить, каким набором полных логико-синтаксических структур, включающих рематическую ИГ, располагает болгарский язык; б) выявить их возможные неполные варианты; в) соотнести с русскими неполными речевыми реализациями.

Объект исследования — логико-семантический аспект предложения.

Предмет исследования — изоморфность ЛСТ в сфере их неполных речевых реализаций в русском и болгарском языках.

Теоретической и методологической базой исследования служат идеи и концепции отечественной и зарубежной синтаксической семантики, прежде всего логико-синтаксический и семантико-прагматический способы представления предложения, реализованные в трудах Н.Д.Арутюновой и Е.В.Падучевой.

В общенаучном плане исследование строится на основе описательного, дедуктивно-интерпретационного и сопоставительного методов. При их реализации использовались частнолингвистические методы логико-семантического, семантико-прагматического и коммуникативного анализа с элементами лингвистического эксперимента.

Материалом для исследования послужили тексты русской и болгарской художественной прозы XX века. Основной массив составляют произведения последней трети XX века. Общий объем рабочей картотеки автора — около 11000 примеров (в равных частях русских и болгарских). Из них 9000 употреблений представляют собой основной анализируемый материал, а именно предложения номинативной формы, извлеченные из повествовательных фрагментов текстов. В целях системного анализа использовались примеры полных логико-синтаксических структур (400 употреблений), номинативных построений из диалогической речи (500 употреблений), парцелированных субстантивных групп (более 1000 употреблений).

Научная новизна и теоретическая значимость исследования состоит в том, что в нем впервые применен комплексный логико-семантический, референциальный, коммуникативный и контекстуальный анализ по отношению к построениям номинативной формы, вызывающим противоречивые лингвистические решения. Установление ЛСТ предложения, неполной речевой реализацией которого является НК, идет путем разрешения как вопросов,

существующих на современном этапе развития семантического синтаксиса, так и сложностей, возникающих в результате семантической и / или синтаксической неполноты номинативного сегмента.

В области **бытийного** ЛСТ впервые на большом материале исследуется специфика выражения бытийного значения номинативными конструкциями: рассматриваются семантико-синтаксические условия, в которых номинативное построение способно удержать бытийную семантику, анализируются роль и виды контекстуальных локализаторов, трансформация бытийного смысла при передвижении локализатора в контекст и др.

В работе впервые исследуются особенности отражения номинативными построениями опознавательного-идентифицирующего акта мышления. Доказывается, что разные этапы этого мыслительного процесса выражаются номинативами, представляющими различные ЛСТ. При рассмотрении однокомпонентных реализаций **идентифицирующего** ЛСТ анализируются конструкции индивидуализирующего отождествления: выявляются условия, в которых появляются такие формы, и специфика выражения ими идентифицирующей семантики. В аспекте неполноты речевой реализации новое освещение получает ряд спорных проблем семантического синтаксиса, касающихся предложений идентификации: идентифицирующие возможности ИГ разного денотативного статуса, логико-семантические характеристики предложений гносеологического отождествления, проблемы несубстанционального тождества, особенности выражения тождества с помощью конструкций, основанных на текстовой кореферентности ИГ.

В области характеризующего ЛСТ предложена классификация неполных реализаций с учетом текстовой функции номинативной конструкции, типа antecedента и лексико-семантических особенностей характеризующей НК.

В работе впервые получают логико-семантическую интерпретацию номинативные построения, относящиеся к области неясных и спорных синтаксических явлений, а именно конструкции, находящиеся в тесной смысловой и синтаксической зависимости от окружающего контекста. При обращении к причинам, порождающим такие дискуссионные, «проблемные» синтаксические явления, выявлены языковые элементы, берущие на себя роль смысловых и синтаксических организаторов текста и оказывающие в той или иной степени давление на логико-семантический и синтаксический статус

номинативного построения; рассмотрены условия сохранения или изменения семантического типа номинативов в таких контекстах.

На примере неполных реализаций предложений идентифицирующей и бытийной семантики разработана процедура семантической интерпретации НК в текстах, представляющих **разные формы речи**: монологическую и диалогическую; проанализированы условия и особенности функционирования номинативных построений в текстах **актуализирующего** синтаксиса.

Впервые рассмотрены ЛСТ предложений и их неполные реализации в **болгарском языке**. Выдвигается и доказывается положение о том, что изоморфность в сфере неполных речевых реализаций различных ЛСТ распространяется и на язык с другими типологическими особенностями.

Практическая значимость исследования. Понимание природы и сущности НК представляется весьма важным в рамках вузовской и школьной программ по синтаксису. В школьных учебниках до сих пор предлагается трактовка номинативных бытийных предложений как односоставных с единственным членом, чаще всего определяемым как подлежащее. Между тем современные синтаксические исследования доказывают, что предложения, состоящие только из подлежащего, невозможны, так же как и сомнительной видится трактовка существительного в номинативном предложении как единого главного члена, совмещающего в себе свойства подлежащего и сказуемого. Нет единства в толковании данных построений и в вузовских пособиях, хотя привлечение логико-семантического аспекта к анализу предложения уже реализовано в ряде новых учебников.

Материал, содержащийся в диссертации, и *ее* выводы могут быть использованы при чтении курса лекций по синтаксису, при написании учебников, предполагающих многоаспектный анализ предложения. Ряд положений диссертации может быть применен и в школьном курсе русского языка после соответствующей переработки и адаптации.

Выводы и материал данного научного исследования позволят существенно дополнить курс синтаксиса русского языка как в вузовской, так и в школьной программах включением т.н. трудных синтаксических вопросов, нашедших в работе свое решение, в частности: принципы структурно-семантического разбора предложений типа *Пожар!*, зависимость семантики неполного предложения от коммуникативных интенций говорящего; неоднозначность вопроса о

стилистической маркированности номинативных предложений; семантико-синтаксический статус т.н. контекстуально-связанных номинативных конструкций и др.

Выводы и наблюдения, касающиеся особенностей выражения логико-семантических отношений в болгарском предложении, будут полезны в преподавании болгарского языка как иностранного, в частности: способы построения идентифицирующих и именующих сообщений в русском и болгарском языке, семантико-грамматические и стилистические особенности бытийных предложений с *съм* и *има*, анализ русско-болгарских параллелей в области бытийных предложений, принципы артиклевой маркированности ИГ в бисубстантивном предложении, основные значения неопределенного артикля и др.

Апробация результатов исследования. Результаты работы нашли отражение в 2S научных публикациях автора (монографии, учебном пособии, научных статьях, материалах конференций) общим объемом 27 п.л. Основные положения диссертации были представлены в докладах на ежегодной Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов филологического факультета СПбГУ (1994, 2000, 2002, 2003), на ежегодной международной конференции «Державинские чтения» в СПбГУ (2000; 2002), на международной научной конференции «Славистические чтения памяти профессора П.А.Дмитриева и профессора Г.И.Сафронова» в СПбГУ (1999, 2000, 2001, 2002), на ежегодной международной научной конференции в МГУ (1993, 2001), на ежегодных международных «Паисиевых чтениях» в Пловдивском университете (1994, 1998, 2001), на международной научно-практической конференции в Софийском университете (2002, 2003).

На защиту выносятся следующие положения,

1. К предложениям, имеющим форму номинативной ИГ, могут быть применены принципы логико-семантического анализа предложения. При этом подходе рассматриваемые конструкции предстают как неполные речевые реализации предложений разных ЛСТ. Проблема семантической интерпретации одноформленных построений может быть решена методами логико-семантического, семантико-прагматического, и коммуникативного анализа, учитывающими: а) референциальный статус именных компонентов, б) коммуникативную перспективу сообщения и коммуникативную стратегию

говорящего, в) возможные варианты речевых модификаций исходных логико-синтаксических структур, г) типы контекста и функции в нем рассматриваемых конструкций, д) синтаксические возможности лексического наполнения.

2. Образованная отсечением (неназванностью) коммуникативно менее важных компонентов, номинативная реализация представляет собой семантически и синтаксически неустойчивую конструкцию, поэтому отчетливость смысловых отношений, свойственных тому или иному ЛСТ, достигается, в основном, благодаря компенсаторным возможностям контекста, в котором особым образом организуются или возмещаются недостающие компоненты логико-семантической структуры. Важнейшую роль при реализации ЛСТ только номинативным построением играют синтаксические возможности категориальных групп лексики, формирующих НК.

3. Не поддерживаемый необходимыми смысловыми связями, единственный компонент логико-синтаксической структуры при реализации особых коммуникативных стратегий говорящего может попадать под действие других семантических организаторов текста, трансформируя свое значение.

4. Исследовательские методики, применяемые к анализу одпооформлеппых предложений, должны учитывать различие в режимах интерпретаций языковых явлений, употребленных в канонической и неканонической речевой ситуации, а также сложность синтаксической квалификации номинативных конструкций, функционирующих в текстах «актуализирующей» прозы.

5. Изоморфность в сфере неполных речевых вариантов предложений разных ЛСТ распространяется и на ячк с другими типологическими особенностями. При однокомпонентной реализации не находят выражения синтаксические и мсрфолого-синтаксические различия болгарского и русского языков, проявляющиеся на уровне полных логико-синтаксических структур; сохраняются лишь типологические грамматические особенности на уровне ИГ.

Структура рабтры. Диссертация состоит из введения, 4 глав и заключения.

В конце работы приведены списки литературы и источников иллюстративного материала.

Содержание работы

Глава 1 «Неполные речевые реализации предложений различных логико-семантических типов: проблемы и задачи». Рассматриваются семантические классификации предложений в отечественном и зарубежном славянском языкознании (В.Г.Адмони, В.В.Бабайцева, В.Г.Гак, Т.В.Шмелева, В.В.Гладров, Р.Мразек, П.Адамец, К.Илиева и др.). Наиболее подробное освещение получает логико-семантический подход Н.Д.Арутюновой (который принят за основу в данном исследовании), отражающий динамический аспект формирования пропозиции с учетом возможных соотношений предмета, понятия и имени — вершин «семантического треугольника». В качестве основных П.Д.Арутюновой выделены отношения экзистенции, соединяющие концепт и объект, отношения характеристики, направленные от объекта к признакам, составляющим понятие, отношения идентификации, обращенные на один и тот же объект. Эти три вида отношений выражаются особыми логико-синтаксическими структурами, которые объединяются в логико-синтаксические (в терминологии Н.Д.Арутюновой) типы предложений. В диссертации принят термин «логико-семантический тип» (ЛСТ) предложений, подчеркивающий семантический (логико-семантический) аспект анализа. По отношению к конкретным конструкциям, с помощью которых выражаются те или иные логико-семантические отношения, используется термин «логико-синтаксическая структура».

Каждый ЛСТ характеризуется определенным набором семантических компонентов, однако не все они непременно должны быть представлены в речевых вариантах логико-синтаксических структур. Некоторые смысловые составляющие могут быть сдвинуты в контекст или вообще не быть выражены. Характеризующие и идентифицирующие предложения легко обходятся без упоминания (по крайней мере непосредственно в том же предложении) объекта характеристики и идентификации. При этом опускается и глагольный компонент, ср. (1) предложения с полной экспликацией семантических составляющих; (2) предложения неполной реализации, представленные только одним семантическим и структурным компонентом:

характеризующий ЛСТ: (1) *Напротив меня сидят Лена с Андрюшен. Лена — учительница из Алкипой школы* (В.Токарева) и (2) *Зато мы подружались с мамой Петера. Добродушная, чуть суетливая женщина* (И.Кудесова); (1) *Моя*

пятая школа была одноэтажной типовой новостройкой (Н.Толстая) и (2) Дом — в центре города. **Голубой особняк** (В.Токарева);

идентифицирующий ЛСТ: (1) *Дверь снова отворилась, но это были не Настя с Дашей, это был лысый с комом моей одежды* (М.Попов) и (2) *Дверь в комнату отворилась... Риммуля!* (В.Попов); (1) *Тут же зазвонил телефон, как будто ждал подходящего момента. Это был Юрик* (А.Матвеева) и (2) *Он уже выходил, когда телефон зазвонил частыми гудками — междугородный. Скорее всего — родитель* (М.Чулаки).

Синтаксическая и семантическая неполнота, освобожденность от показателя модально-временных отношений позволяет использовать данные конструкции со специальными стилистическими целями в различных композиционно-речевых формах нарратива, а именно в текстах, ориентированных на имитацию разговорной или внутренней речи. Здесь в наибольшей степени реализуется характерная для неполных предложений свернутость известных элементов информации и экспликация прежде всего коммуникативно важных компонентов.

Вопрос о причинах и условиях выраженности в тексте смысловых составляющих **бытийного предложения** менее очевиден, поскольку обусловлен комплексом грамматических, семантических и стилистических факторов, приводящих к 'устранению бытийного (глагольного) и локативного (обстоятельственного) компонентов. Но и бытийная логико-синтаксическая структура допускает такую реализацию, когда из трех возможных семантических компонентов сохранено только имя объекта бытия, ср. полное бытийное предложение в (1) и неполную реализацию в (2): (1) *Нашлась и коробочка с выдвигной крышкой; в ней были щуплые шахматные фигуры* (В.Набоков) и (2) *Розовыми пальчиками малой развернул серебристую фольгу. Комочки гашиша* (С.Шаргунов); (1) *На нем были круглая спортивная шапочка и тяжелые ботинки горнолыжника* (В.Токарева) и (2) *У ворот нас уже ждал местный гид Иван Никитич. Бородка, мятый отечественный костюм, советские сандалии с дырочками, а через плечо — сумка с аппликацией...* (Н.Толстая).

Бытийные предложения в однокомпонентной реализации традиционно принято рассматривать как номинативные предложения — односоставный тип простых предложений. В данной работе такие предложения не соотносятся со структурной односоставностью. Обращение к опыту изучения номинативных

предложений в отечественной лингвистике и в лингвистике зарубежных славянских стран свидетельствует о новом витке лингвистического анализа: от непризнания номинативных высказываний предложениями (или полными предложениями) в синтаксических концепциях прошлого — через последующую убежденность в их односоставности и полноте — к отрицанию их структурнообразующего статуса в рамках коммуникативно и семантически ориентированного синтаксиса [И.П.Распопов 1970; В.С.Юрченко 1972; О.И.Москальская 1974; Ю.А.Левицкий 1995; Е.Н.Ширяев 1989, 1997 и др.]. Изучение семантического устройства предложения позволяет предположить, что номинативные предложения представляют собой речевой вариант семантико-синтаксических структур с экзистенциальным значением (ср. близкие результаты в концепциях Н.Д.Арутюновой и Г.А.Золотовой).

Методы семантического и коммуникативного синтаксиса представляются достаточно эффективными и для изучения **номинативных конструкций с избыточным значением**. Впрочем, вклад конструктивной лингвистики в эту проблему достаточно весом. Задача отграничения бытийных номинативных предложений от одноформенных построений иной семантики ставится во всех работах, связанных с анализом НК, поэтому в диссертации рассмотрены основные направления, по которым продвинулась лингвистика в решении этого вопроса.

Еще одна проблема, которая неизбежно возникает при любом подходе к изучению данных построений, — это наличие переходных зон с **явлениями непредложенческого уровня**. В рамках традиционного анализа не раз осуществлялись попытки выделения конструкций, которые, в отличие от относительно независимых предложений, способны функционировать только в тесной смысловой соотнесенности с предшествующим предложением. Эти конструкции получают осторожные наименования «изолированный именительный» [Н.С.Валгина 1971], «именительный присоединения» [Р.С.Акопян 1975], «субстантивные фрагменты текста» [В.В.Бабайцева 1997] и т.п. Конситуативно зависимые высказывания номинативной формы как яркая особенность современных художественных и публицистических текстов стали объектом отдельного монографического исследования [Г.К.Хамзина 1997]. Многие из этих явлений представляют предмет обсуждения в рамках проблемы бессоюзных предложений, появление других обусловлено сегментацией высказывания и экспансией именительного падежа [В.В.Бабайцева 1997;

Г.К.Хамзина 1983; Е.Н.Ширяев 1986; В.П.Проничев 1991 и др.]. Наиболее часто выводятся за рамки номинативных предложений (или предложений вообще) конструкции:

а) раскрывающие введенный в предтексте признак объекта: *Жена Вадима Андреевича оказалась пикантной, однако не лезущей в девочки дамой — некичливое **достоинство**, холеная **стать*** (В.Ларин);

б) конкретизирующие содержание компонента с обобщающим значением: *Из каждой страны — подарок маме. Серебряные украшения, статуэтки, вазочки* (А.Матвеева);

в) называющие причину названного в предыдущем тексте явления: *...советская власть, почти родная, ушла не попрощавшись... Живите как хотите. Няnek больше нет.*рынок* (Н.Толстая).

Поскольку в диссертации привлекаются к анализу одноформленные явления не только предложеческого уровня, но и спорного или переходного синтаксического статуса, в качестве общего термина для всех рассматриваемых здесь построений (вне зависимости от их семантики и синтаксической квалификации) будет использоваться сочетание **номинативная конструкция**. Основной материал для исследования составляют НК, выделенные финальными пунктуационными знаками, то есть оформленные как отдельные фразы. Тем не менее, поскольку* многочисленные явления неустойчивого синтаксического статуса допускают колебания пунктуационных правил (см. наблюдения Н.Л.Шубиной [1999]), представляется необходимым расширить зону рассматриваемых НК включением построений, отделенных иными, внутрипредложенческими, знаками препинания. Это к тому же позволяет увидеть, как функционируют номинативные реализации в рамках бессознательно связанных частей, хотя отношения «не через точку», несомненно, более замкнутые [Е.Н.Ширяев 1986].

Итак, одной из речевых реализаций, изоморфной для всех ЛСТ предложений, является НК, содержащая коммуникативно значимую часть информации. Одна и та же форма предоставляет свою «упаковку» для выражения разных смыслов, отражающих разные ситуации. Как выявить те значения, которые скрывает за собой номинативное построение? По сути, проблемы определения семантики предложений, представленных номинативной формой, повторяют сложности установления логико-семантических отношений в

предложениях полных реализаций и, как это и следовало ожидать, добавляют к ним вопросы «ситуативного типа речи» [А.А.Чувакин 1987]. Для решения этих задач в диссертации предполагается использование принципов логико-семантического, семантико-прагматического и коммуникативного анализа, включающих выявление векторности отношений между элементами смысла через установление референциального статуса именных выражений, коммуникативное членение высказывания, синтаксический и прагматический анализ контекста.

Глава 2 «Номинативная конструкция как представитель логико-семантического типа». В разделах 2.1 - 2.3 исследуется, какие грамматические, семантические и стилистические последствия влечет за собой невыраженность тех или иных семантических составляющих каждого ЛСТ, каким образом обеспечивается сохранение исходного значения при неполной реализации. Предлагаются способы семантической интерпретации одноформленных построений.

Наиболее неустойчив логико-семантический статус однокомпонентных реализаций **бытийных** предложений (раздел 2.1). Отсутствие важнейших семантических компонентов — предиката существования и локализатора — дестабилизирует бытийный смысл. Значение предложения, эксплицированного только НК, становится неустойчивым, «Вектор» логико-смысловой направленности начинает определяться отчетливостью / неотчетливостью выраженности «вмещающего» значения у элемента контекста, претендующего на роль локализатора, лексическим наполнением НК, прежде всего синтаксическими свойствами категориальных подклассов лексики, формирующих НК, смысловой соотносительностью опорного имени с локализатором. Однокомпонентный вариант поэтому приобретает ряд референциальных, синтаксических и семантических характеристик, не свойственных типичным бытийным структурам, а по некоторым признакам отличаясь и от безглагольных предложений с локализатором.

Экспликация локализатора в предтексте более всего способствует бытийному прочтению номинативного построения. Отчетливое бытийное значение имеют НК при локализаторе с семантикой «вместилища», способного к заполнению своего объема: *Заглянул в комнату Авроры (супруги спали раздельно). Неприбранная кровать, допотопное зеркало...* (Д.Рагозин); *Он оступился и упал в яму. Известковый мусор, оползни* (И.Грекова); *Антон Петрович вскрыл*

конверт. Сто марок и больше ничего (В.Набоков); *Приводят в отделение Скамейка. Перед ней стол, покрытый почему-то линолеумом* (В.Попов).

Для объектов поверхностного расположения понятие объема не предполагает отчетливо выделяемого внутреннего пространства и внешней поверхности, а связывается с размещением объектов на плоскости. В качестве таковых выступают прежде всего пространственные имена (*город, улица, пустыня, сад*) и внешние, обычно горизонтальные, части предметов (стола, подоконника), например: *Широкая окраинная улица была пуста и бела. Деревянные заборы, домики в два, три окошка... Черная водочка на углу* (В.Панова); *За столом Екатерины Владимировны (она-то мне и нужна) никто не сидел. Впрочем, компьютер был включен... Бумаги на столе аккуратной стопкой, полчашки остывшего кофе* (П.Мейлахс). Поверхность предмета может служить пространством расположения знаковых сущностей: *Он посмотрел на часы. Полчетвертого* (Б.Липин); *Вера Игнатьевна взглянула на календарь. Девятнадцатое* (Н.Катерди).

Большинство бытийных номинативов при сохранении в контексте обоих «фрагментов» (И.Б.Шатуновский) бытийной ситуации (локализатора и бытующего объекта) все же не переходят грань, отделяющую их от иного ЛСТ, но, конечно же, находятся, благодаря оживлению таксономических характеристик, в* «зоне риска». Эта неустойчивость свойственна всем безглагольным бытийным предложениям, но при выносе локализатора в контекст она достигает того предела, когда малейшее отступление от семантического соотношения «вмещающий фрагмент : находящийся в нем объект» затемняет логико-семантический статус номинативного построения.

Например, в функции локализатора бытийного предложения часто выступает человек как средоточие физических и психических компонентов и всего того внешнего окружения человека, что составляет его «личную сферу» (Ю.Д.Апресян): *У нее есть сын (однокомнатная квартира, дача); У него голубые глаза (громкий голос, быстрая походка)* и т.п. Перемещение такого локализатора в предтекст всегда сопровождается разрушением посессивно-локативной конструкции и, значит, снижением роли локативной семантической составляющей: *Чардм был в восемьдесят девятом роду на моей свадьбе. Филологическая внешность, футляр с гитарой, бабочка* (И.Кочергин); *На станции Левашове с грохотом ввалилась толпа омоновцев... Пятнистые робы,*

пушистые усы, волнующие запахи смазки и гуталина. Девушки все моментально на них переключились (В.Попов); *...ведь ей дворцов не строят. Однокомнатная квартира в новостройке* (В.Токарева). Ослабление «вмещающего» значения личного possessора особенно очевидно при тех НК, которые строятся с помощью существительных абсолютной неотчуждаемости. В таких предложениях обязательно присутствуют характеризующие лексемы, которые и несут главную смысловую нагрузку: *Вспомянули, повздыхали, расходятся с вечным присловьем: «Сиди — не сиди, а работать надо...» Немолодые, пожившие. Морщинистые лица, мослатые корявые руки...* (Б.Екимов); *Главный редактор Крышев усиленно занимался внешними сношениями, исчезая из редакции и возвращался, вновь исчезал и вновь возвращался. Боковая походочка с мелким прискоком* (В.Тендряков). Более того, отрицательные формы этих конструкций не допускают введения предиката *нет*, как это возможно в типичных бытийных структурах. Включение в НК имен относительно неотчуждаемой принадлежности не требует обязательных определителей и не противоречит бытийному прочтению номинатива: *Заспанный и недовольный доцент Артамонов нащупал выключатель над зеркалом и... критически сощурился на свое отражение. Сероватая пористая кожа, мешки под глазами, щетина* (В.Исхаков), ср. *У него нет мешков под глазами, щетины.*

Значительный сдвиг в сторону характеризующего значения демонстрируют НК, содержащие субстантивированное наименование квалификативного признака человека. Если в полной бытийной конструкции possessивное значение подкрепляется формальной структурой, то есть оформлением носителя признака как локатива (*В ней есть какая-то неестественность*), то в неполном варианте разрушается «вмещающее» значение носителя признака, утратившего предложно-падежную форму локативного компонента, поэтому возможность бытийного прочтения сохраняется лишь в следующих условиях: а) при соотнесении признака не непосредственно с носителем, а через компонент possessора: *Ему — семнадцать. Почти детская элегантность синего, с красным воротником мундира и бешенство чувств. обреченных с 1816 года до конца его дней стремиться неостывающей лавой тайными путями неудовлетворенной любви* (Г.Новожилов); б) при обстоятельном оформлении в предтексте имени носителя признака: *Хотя какая уж у наши строптивость!... Полное покорство!* (В.Кантор); в) при

употреблении имен качеств в одном ряду с другими компонентами человека: *Далее из восемнадцатого года Игорь шагнул в сорок первый, в образ немецкого офицера. Безукоризненная опрятность, пенсне, жестокость в глазах* (В.Токарева). В иных случаях квалификативные признаки в НК служат для обобщающей характеристики (см. раздел 2.3): *Одалживаться у родителей он считал для себя унижительным, и хотя поначалу ему приходилось брать у матери на карманные расходы, но делал он это явно со стесненным сердцем, от крайней нужды. Щепетильность, для нас удручающая* (В.Тендряков).

Для НК, представляющих состояние человека, также необходимо соотнесение с локализатором, поскольку состояние мыслится в связи с его носителем. При однокомпонентной реализации носитель состояния обычно обозначен в контексте: *Теперь Надежда здесь одна. Навсегда. Тупик. И то же чувство непоправимости, затерянности, отчаяния, как бывало во сне* (Н.Катерли); *Недоумевая, я сел. Неужели это_я минуту назад дергался между вагонами?... Достоинство, покой...* (В.Попов); *Но тут возникает мама и бьет его, бьет. Счастье боли от мамы, пусть бьет, главное — она рядом* (Г.Щербакова).

Нечеткая обозначенность субъекта и предтексте или его дистанцированность от НК позволяет распространять описываемое состояние на всех участников события или трансформирует субъект в неопределенный или обобщенный: *Сейчас нет уверенности ни в чем, смута и страх в душе* (В.Тендряков); это же даёт возможность переосмысления того, кто является носителем состояния: состояние человека мыслится как единое с окружающей его средой: *Поставив точку, я откинулся на стуле и, выплывая из вымысла, огляделся. Убогая дачная комнатка освещена низким вечерним солнцем, выпуклые крошки под обоями дают длинные тени. Тишина, Покой. Счастье. И никого в доме. Эту минуту блаженства я заслужил* (В.Попов); *Все же здесь хорошо: море, запах его, волны плещут, рядом — горы. Покой* (Б.Екимов). Такая НК может распространять свое значение на неопределенную область бытия, подобно именам, обозначающим состояния среды. Это свидетельствует о сближении с событийными предложениями (сообщениями о действиях, природных явлениях и состояниях), для которых вообще характерно вытеснение субъекта и ослабление роли пространственных локализаторов.

Имена действия и при неполной реализации бытийного типа сохраняют свою независимость от локализатора. Для них естественно выполнение в тексте тех смысловых функций, которые вообще характерны для пропозитивной лексики, — временных и логических. Они наиболее приспособлены к жизни в разнообразных семантически и синтаксически усложненных контекстах. В работе рассматриваются основные временные отношения, выражаемые именами действия, ср. соответственно аористивную и имперфективную функции [Г.А.Золотова 1998]: *Сидя за письменным столом, он задумчиво пошевелил губами, просчитав дозу инсулина. Укол. Можно завтракать* (М.Румер-Зараев) и *Разговаривают о какой-то дряни. Почесывание, позевывание* (П.Мейлахс).

Особое внимание при анализе предложений со значением действия уделяется предметным именам в событийном значении. Анализируются группы лексики, для которых характерно регулярное событийное употребление (названия одежды, продуктов, видов транспорта и др.), например: *Пиджачок... теперь беретка... Он готов!* (В.Макашш); *Джуреки из желудей, пареная свекла, пустые щи, тыква... И работа, работа, работа... Вот и вся жизнь* (Б.Екимов). Выявлены, в частности, средства контекста, которые способствуют событийной «расшифровке» предметного существительного. Во-первых, событийную семантику проявляют в предметном имени временные детерминанты: *Одиннадцать... Теперь чай, лепешка... благодать* (А.Волос); *От Города до центральной усадьбы еще Бог знает сколько добираться — опять автобус, а там уже неизвестно на чем* (И.Кочергин). Во-вторых, динамическое прочтение поддерживается пропозитивными определителями: *Я знал, сегодня все, собираясь на сабантуй, сгорали от любопытства: что за жену выбрал себе капитан? Верили, не ошибусь и тут. И вот опущенные глаза, сочувствие* (В.Тендряков). В-третьих, событийный смысл цепочки предметных имен может быть задан в предшествующем предложении через некоторый общий динамический компонент (далее подчеркнут): *Мы, конечно, кутили. Петушки на палочках, воздушная кукуруза, сахарная вата, карусель, катер до Зеленого острова...* (И.Полянская); *Чайник вскипел. Заварю покрепче. Несложная пьеска на чайном ксилофоне: крышечка, крышечка, ложечка, крышечка, тряпочка, крышечка, тряпочка, тряпочка, ложечка, ручка, ручка* (Т.Толстая). Событийность предметного имени обеспечивается и его соположенностью с девербативами процессуального значения: *Шум, споры, гитара, песни* (И.Грекова); *Детвора тоже при деле. Или*

в счастливых заботах на речке, в лесистом займище: *рыбалка, купанье, грибы да ягоды* (Б.Екимов).

Два подраздела главы посвящены исследованию вопроса о том, каким образом обеспечивается бытийное прочтение номинатива при отсутствующем в предтексте локализаторе. В этом аспекте рассмотрены экспозиционные функции начальных номинативов и локализующие функции контекста восприятия.

Так, функции локализатора для последующих номинативов в цепочке могут выполнять пространственно-предметные НК в инициальной позиции. Если контекст не указывает пространство для закрепления перечисляемых предметов и явлений, внутри цепочки может происходить семантическое распределение ролей. Начальные элементы цепочки берут на себя функцию локализатора в соответствии с известным принципом смысловой организации элементов номинативного ряда [М.Л.Гаспаров 1997], когда пространственные координаты сменяются событийными: *Дача. Вечер. Сыро. За окном дождик мелкий, противный... Неприкаянность. Скука* (А.Смирнов).

Исследование бытийных номинативов показало, что при отсутствии локализатора в контексте компенсаторную роль может играть «вметающий» фрагмент, равный пространству восприятия говорящего. Этот локализатор формируется путем создания перцептивной ситуации. В результате анализа материала с учётом достижений современных семантических исследований (Е.В.Падучева, Ю.Д.Апресьяк и др.) были выявлены способы и средства создания ситуации восприятия: а) перцептивная лексика в НК: *Кусая губы, он позвонил снова и долго держал палец на кнопке. Однообразное зкужжание* (В.Набоков); *Почесывание в затылке, вздох* (В.Тендряков): *Таня решительно толкнула дверь... Запах кислой сырости, мочи и керосина...* (Л.Улицкая); б) перцептивные предикаты в контексте или их аналоги, а также дополнительные компоненты ситуации восприятия («преграды», «локусы» [Е.В.Падучева 2001, Г.И.Кустова 1999]). В целом, это любые средства, которые указывают на изменение обзора, появление нового перцептивного пространства: *Положил весло, оглянулся. Мост. Охранник в оранжевой куртке* (О.Ермаков); *Я выхожу за ворота Нарядный снег. Тихие избы. Дорога с коричневыми штрихами вмерзшего навоза* (В.Токарева); *Она одну за другой открывала на плите крышки. Вермишелевый суп. От него у нее сводило скулы. Кусок мяса из супа отдельно как гарнир к холодной картошке* (Г.Щербакова); *Сквозь неплотно прикрытые*

иторы светило солнце. Рисунок на обоях: коричневые ящерицы и желтые черепахи. Тумбочка с лампой. Рыжеватое кресло. Серый пыльный ковер (Д.Рагозин). Эмплицирование глаголов восприятия или иных средств, задающих ситуацию восприятия, не требует обязательного локализатора. Пространством, вмещающим названный в НК предмет, является перцептивное пространство эксперимента.

Рассмотренные средства создания перцептивной ситуации позволяют определиться с вопросом о том, все ли бытийные номинативные построения маркированы признаком «перцептивность», то есть предопределен ли этот эффект только грамматическими характеристиками номинативного предложения. Действительно, синтаксическое выражение времени, опущение локализирующих координат, субстантивированная («картинная») фиксация предметов и явлений — все эти исходные данные хорошо организуются при создании ситуации восприятия, вводящей НК, но перцептивный эффект достигается лишь при наличии указанных выше специальных средств. Выявлены группы НК с бытийным значением, лишенные эффекта перцептивности. Функционируя как номинализованные пропозиции или предложения актуального наличия, такие номинативные построения сохраняют логико-семантическую структуру бытийного типа и вне контекста восприятия, например: *Здорово вообще живет! Ни за что на свете по-настоящему не волнуется. Гимнастика, еда, труд* (В.Попов); *...будет ли зюгна так лее неизменно склонна к добропорядочной жизни. Вдруг она захочет каждый вечер принимать гостей. Траты, беспокойство, окурки* (В.Панова); *в комнате курить нельзя — Юрик* (Н.Катерли).

Таким образом, проведенный анализ позволяет подвергнуть сомнению устоявшееся положение о стилистической маркированности номинативных предложений как описательных конструкций художественной речи, ориентированных на «спокойное» зрительное восприятие, как конструкций с особой коммуникативно-эстетической функцией [З.К.Тарланов 1999 и др.]. Во-первых, существуют, как видим, НК, вводимые вне контекста восприятия и не предполагающие фигуру наблюдающего субъекта.

Во-вторых, даже наличие перцептивной ситуации не всегда ведет к эффекту созерцательности («неспешного восприятия»), ср.: *...сзади остались еще двое... Дальше все было просто: удар по затылку, падение, два удара ногой в*

голову: один — в горло, второй — куда-то в глаз... *Шелест полиэтилена и глухой звук от подцепленного ботинком пакета; мокрые шлепки падавших в лужу кусков; топот ног по лестнице; стук закрывшейся входной двери и снова топот — уже приглушенный — на улице...* (С.Иванов). Эффект созерцательности, действительно свойственный многим номинативным цепочкам, связан прежде всего с «укрупненностью» («фрагментарностью») изображения, расчлененностью перечислительного ряда. Причины особого стилистического поведения номинативных рядов еще нуждаются в изучении, но в любом случае нет оснований выводить за рамки номинативных построений с бытийным значением те образования, которые не отмечены указанными стилистическими характеристиками.

В-третьих, как показало исследование других ЛСТ, не является жесткой и связь перцептивной ситуации с бытийным значением последующего номинатива. В контексте восприятия (основные лексические маркеры которого в примерах ниже подчеркнуты) вводится большинство неполных идентифицирующих предложений, например: *...вдруг налетел спиной на что-то мягкое. Обернувшись — о господи, Самое!* (Б.Акунин); *Вагон, притормаживая, крупно затрясся. Мы въехали под гулкие желтые своды... Любань* (В.Попов). Контекст восприятия возможен и при характеризующих НК, где пропущено описательно-детализирующее звено: *Хлюя Петровна надела на Юрика свеженький памперс. Глянула на себя в зеркало. Симпатичная дама, чуть в возрасте, с очень добрым и приятным лицом* (А.Матвеева); *Она цепким взглядом окинула квартиру. Неплохо, совсем неплохо. Ухоженное жильё, всюду чувствуется аккуратность и вкус* (А.Маринина). Перцептивная ситуация имеет здесь, однако, вспомогательный характер: она лишь вводит в сферу перцепции объект, над которым далее осуществляется мыслительная операция идентификации или характеристики. Подключение к процессу перцепции логических мыслительных операций, как это происходит в приведенных идентифицирующих и характеризующих предложениях, меняет задачи сообщения, в то время как в НК бытийного типа перцептивность представлена как основной канал познания.

В разделе 2.2 рассматриваются неполные реализации идентифицирующих предложений. Дается краткий обзор изучения предложений тождества, выделены основные проблемы, встающие при разграничении разных

семантических типов биноминативных предложений, и обозначены способы их решения с точки зрения семантико-прагматического анализа.

Неполные реализации предложений идентификации, представленные только вторым компонентом тождества, отражают сжатость внутренней речи рассказчика (повествователя или эмпатического персонажа). Как показал материал, способы введения в контекст идентифицируемого объекта отражают позицию рассказчика с ограниченной компетенцией. Размещение идентифицируемого и идентифицирующего компонентов в разных предложениях (в предтексте и в НК) дает возможность вводить объект способами, не допустимыми в цельных конструкциях тождества: через неопределенные местоимения, метонимические обозначения, косвенные перцептивные характеристики, в целом — через любые (статические и динамические) признаки присутствия объекта в пространстве восприятия рассказчика: *Кто-то догонял, схватил сзади за руку... Даша* (Ю.Трифокон); *«раме — знакомый силуэт... Паша!* (В.Попов); *Передо мною дрожащее, забрызганное веснушками, лицо, рыжие брови... Не она! не I* (Е.Замятин); *Скрип половиц. Замполит Лалыка* (О.Ермаков).

Идентификация как процесс отождествления с точностью до индивида выражается НК, состоящими из ИГ с конкретно-определенным денотативным статусом. Это, во-первых, «жесткие десигнаторы» [S.Ripke 1972], т.е. личные и указательные местоимения, а также имена собственные: *Заверещал аппарат: она* (В.Попов); *Двое: один — коротенький, тумбоногий — глазами, как на рога, подкидывай пациентов, и другой — тончайший, сверкающие ножницы-губы, лезвие-нос... Тот самый* (Е.Замятин); *Вот и еще кто-то подошел с рюмкой: Надюша* (И.Грекова), во-вторых, дескриптивные выражения в определенно-референтном употреблении: *Марина судорожно вздохнула. Ольга... Та самая соседка, что навещала мать в больнице* (Н.Катерли). При этом возникает необходимость отграничения:

а) идентифицирующих НК от именуемых (в случае использования имен собственных в качестве идентификаторов), что решается установлением предметной соотнесенности ИГ при отождествлении и интродукцией объекта при его именовании, ср. идентификацию и наименование: *Улица оказалась знакомой. Тихвинская* (Л.Улицкая); *Я вышел. По обе стороны от парадной тусклая улица*

уходила во тьму. *Улица Высоковольтная... На такой и жить-то страшно* (В.Попов);

б) идентифицирующих НК от тех бытийных номинативов, которые содержат определенную ИГ, но имплицитно включают идею существования (наличия, появления) объекта в рематическую часть информации, как в примере: *Я выпрыгнул из троллейбуса. Нации дом* (Г.Бакланов);

в) идентифицирующих предложений от характеризующих, которые не отсылают к предшествующей информации, а приписывают новый признак предмету, ср. идентификацию и характеризацию: *Кто он?... Он неожиданно сам явился ко мне на дом. Крутые плечи, боксерская прическа, до зелени бледное лицо, увиливающий взгляд... Учитель физкультуры! Новый удар в спину... Я представил, каким кипящим фонтаном забрызжет на меня наша директриса* (В.Тендряков) *и ...со мной два раза в неделю занимался Шаевич-Шалевич (увы, точно не помню, как писалась его фамилия). Новый учитель литературы, молодой специалист, так сказать* (Н.Горланова). В рамках этой проблемы встает задача выявления референтной соотнесенности единичных дескрипций, поскольку наличие маркеров единичности не всегда указывает на определенный денотативный статус ИГ, ср. НК, внешне близкие к идентифицирующим: *На следующий день, где-то в двенадцатом часу, в дверь раздался звонок. Первый гость в нашей семье! Я кинулся открывать* (В.Тендряков); *...мороз схватывает вспотевшую рубаху на спине под свитером, под рваной курткой. Моя самая приличная одежда...* (И.Кочергин).

Языковое отражение «опознавательного-идентифицирующего акта мышления» [Г.А.Золотова 1998] может включать в качестве предварительных этапов таксономическую и квалифицирующую характеристику, чтобы наконец завершиться полным узнаванием/ *Напротив меня — девушка, точнее, молодая женщина: веселые, искристые глаза, гладкие, собранные к затылку в пучок черные волосы, приятное смуглое лицо, пестрая, в голубеньких цветочках кофточка с короткими рукавчиками. Тоже читает. Лицо знакомое. Напрягаюсь — кто, где, когда? Соседка по дачному кооперативу!* (Г.Николаев). При невозможности произвести полное «опознание» объекта идентификацию чаще всего останавливают на соотнесении с более узким классом, содержащим уже информативно значимую совокупность характеризующих признаков. Для человека это, безусловно, «социальные» классы, позволяющие противопоставить

социальные статусы [Д.И.Руденко 1987]: *Теперь я разглядел, что он был удивительно крепок: широчайшие плечи, мощные, чуть кривоватые ноги... Наверяд ли он деятель искусств. Быть может — полярный летчик?... И костюм у него добротный, но изрядно поношенный — теперь я разглядел... Генерал? Может быть... Так кто же он?* (В.Попов). Будучи не в состоянии идентифицировать лицо, мы начинаем его описывать (характеризовать). Введение определителей сужает класс, но не приближает нас к идентификации: *На углу, у светофора, я услышал русскую речь... Молодые женщины. Мордастые* (Б.Носик); — *Прошу прощения... Офицер милиции, крепенький, ладный, с приветливо-официальным лицом, живыми оценивающими глазами* (В.Тендряков). Любые наименования, дающие объекту квалифицирующую характеристику, даже если они включены в процесс идентификации, должны рассматриваться как характеризующие, в том числе ИГ в неопределенно-референтном употреблении: *Она не отводила взора от приближающегося белого лица, Владик или нет? Или, не дай Бог, какое-нибудь фуфло с первого курса?* (Л.Петрушевская). Однако когда характеризующая дескрипция закрепляется, подобно имени собственному, за определенным референтом, оценочные и переносные НК могут получить референцию и значит составить идентифицирующее высказывание: — *Милоч! С тобой вроде ехали? Я быстро обернулся. Царь-горох!* (В.Попов). В болгарском языке характеризующее и идентифицирующее употребление подобных НК получает соответствующую артиклевую маркированность: *Вратата се отвори. Една захарна кукличка. Седемнайсетгодишно момичеце съе светли къдри, с тъмни топли очи, с къпкапочервени устенца* и далее в тексте: *На вратата се почука. Захарната кукличка* (К.Христов).

При попытке идентифицировать вещи, животных, растения говорящий, как правило, останавливается лишь на выделении признаков класса, в лучшем случае — вида, и это оказывается полностью удовлетворительным уровнем опознания для практических нужд [Ю.С.Степанов 1979; И.Б.Шатуновский 1996]. Реальная невозможность индивидуализировать многие предметы с точностью до единицы порождает предложения гносеологического тождества, которые, однако, не устанавливают идентичности, указывая лишь общие признаки объекта [Н.Д.Арутюнова 1976; Д.Вайс 1985; Е.В.Падучева 1987], ср. и в однокомпонентных предложениях: *...на прибрежном мелководье паника —*

хлопанье, плеск. Утки! (В.Тендряков); *Вдруг послышался назойливый, то приближающийся, то удаляющийся звон... Комар!* (В.Попов); *Под полом опять тревожно скреблось и шуршало. А если крысы!* (Н.Катерли). Такие предложения, отражая этап идентификации, вводятся, в целом, теми же способами, что и индивидуализирующая идентификация, отличаясь от последней как отсутствием конкретной референции ИГ, так и языковыми особенностями антецедента, соответствующими ситуации гносеологического отождествления (ср. выше предложения с устраненным или неопределенным субъектом).

Отдельный подраздел посвящен проблеме тождества абстрактных понятий, признаков и ситуаций. Здесь же рассмотрены близкие к идентифицирующим конструкции, основанные не на онтологическом равенстве, а на текстовой кореферентности ИГ, например: *И девочка кончает свою борьбу с буквой, потому что другое, важное, наполняет ей душу. Знание* (Г.Щербакова).

В разделе 2.3 исследуется, как организована в тексте ситуация характеристики с участием номинативных построений. Основная цель предложений характеристики — приписывание признака, посредством которого объект включается в ряд подобных (предметов, абстрактных сущностей, ситуаций) или интерпретируется, описывается и оценивается субъектом, производящим характеристику. Номинативы характеризующего значения содержат ИГ в предикатном употреблении.

Анализ характеризующих НК строится с учетом: а) лексико-семантического типа антецедента; б) типа характеризующей ситуации (текстовой функции характеризующей конструкции); в) категориально-лексического и лексико-семантического состава характеризующей НК (семантика опорного слова, тематический отбор лексики, семантический удельный вес компонентов ИГ, который зависит от степени насыщенности существительного признаковыми семами).

Для выявления объекта характеристики мы неизбежно обращаемся к контексту. Тем элементом текста, который содержит обозначение объекта характеристики (антецедентом), может служить ИГ предметного или абстрактного значения: *Незаметно я вышел к пруду. Замерзший, с подтаявшим, просевшим льдом темный овал* (П.Ллешковский): *Предупреждение часы. Самое трудное для человека, тревожное состояние* (В.Попов). В качестве антецедента может выступать не ИГ, а одно и более предшествующих предложений

(ситуативный antecedent): *Римма пожала плечами и бровями, при этом развела руки в стороны. Жест недоумения* (В.Токарева); *В кармане сквозит — это по-нашему. От лишних двадцати граммов денег хочется побыстрее избавиться. Продавец обругал. «Жигули» не уступили дорогу. Дворник облил ботинки из шланга. Обыкновенная жизнь* (Н.Крышук).

Отмечается несомненная категориально-лексическая соотнесенность antecedента и опорного слова НК. Тип antecedента предопределяет семантику существительного в НК: конкретно-предметные имена описываются через наименования предметных классов, абстрактные — через абстрактную лексику, событийные имена и развернутые пропозиции — через событийные субстантивы. Иные варианты ведут к усложнению семантики, к дополнительной экспрессивной и информативной смысловой нагрузке.

Характеризующие НК используются для описания объектов разной степени включенности в текст. В связи с этим в работе выделяются две основные текстовые функции рассматриваемых НК: презентующая (первичное описание объекта) и обобщающая (итоговая характеристика). **Презентирующая** характеристика описывает объект, не включавшийся ранее в повествование и введенный в предшествующих предложениях через имя собственное или общее таксономическое обозначение: *Неужели Саша Гуров?... Был такой, да. Давным-давно, еще в юности. Сосед по двору* (Е.Шкловский); *Утро начинается с кухни. Здесь одни женщины. Мастерицы выпивать и материться* (Б.Рохлин). Если объект характеристики задан в предтексте через функциональные, социальные и др. первичные признаки, то посредством презентующей характеристики в НК он RR -лчается в иную систему признаковых координат: *Позвонила соседям. Они тоже евреи, я с ними не здороваюсь, не знаю, как знать даже. Старик и старуха* (Г.Башкирова). При ситуативном antecedente, однако, презентующая характеристика онтологически не может быть вычленена.

Обобщающая характеристика представляет выводное, аргументированное знание: *Его сгубили метания. Сначала увлеклся, потом неизбежно остывал и рвался к чему-то новому. Вечно рвущийся куда-то неудачник* (Ю.Трифонов), также с ситуативным antecedentом: *До того, как нанять лодку, она на минуту влягла я воду, чтобы согреться. Промах. Мокрый костюм прилип к груди, к бедрам, к спине, зябли ноги, — но Марта была слишком взволнована и счастлива,*

чтобы обращать внимание на такие глупости (В.Набоков); *Рука Лены стала слегка поглаживать его плечо. Окончательная сдача!* (Ю.Трифонов).

Типы характеризующих ситуаций с участием неполных предложений определяют отбор таксономической и признакодержавшей лексики в НК. Рассмотрим это на примере НК с лично-предметным антецедентом. При презентующей характеристике лица структура ИГ отличается обилием классифицирующих предикатов, ограничены эмоционально-оценочные определения. Тематический выбор определителей задается общими, первичными характеристиками человека: *Еще более одинокой чувствовала себя только Тома Полосухина, забитая, с малиновой шелушащейся обводкой вокруг рта двоюродная с последней парты. Съездившаяся, сутулая девочка, с которой никто не хотел сидеть...* (Л.Улицкая).

При обобщающей характеристике предпочитают предикатные существительные (*красавица, меланхолик, неврастеник, подлец, гений, лицемер*) и переносные наименования, например: *Он тогда был бесцветно робкий, с постно поджатыми бледными губами, воплощенная старательность... Типичный зубрила, грызун науки, которая действительно была для него гранитом* (Д.Гранин); *Так рассуждая, наставляя Вику, Нелли расхаживала по комнате, высокая, костистая... Лошадь!* (А.Рыбаков); *Влад был грузный, лысоватый, с сонными глазами и тяжелым носом. Спящий мул* (В.Токарева). Группа имен естественных классов расширяется при обобщении за счет субъективно-оценочных **обозначений лиц** (*существо, господин, тип* и др.): *Да и никакой, кажется, загадки не было в Галине Леонидовне. Обычная баба с чутьем зюерька* (А.Азольский); *Женщина что-то рассказывала Игорю, он хихикая, собирал крошки со стола и бросал в рот. Встрепанный суетливый человечек без всякого обаяния* (А.Рыбаков). Употребление таксономических предикатов при обобщающей характеристике может сопровождаться наслоением на классифицирующие признаки квалифицирующих: *Леонилла Илларионовна лежала в постели и читала. На ней была розовая конная рубашка, на носу — очки. Прямые, густо пересыпанные сединой волосы скромно заложены за уши, за дужки очков. У него защемило сердце. Старушка!* (И.Грекова); *Шетина отрастает каждый день, все больше, скоро прекратится и настоящую породу — пегая, клочковатая. Старик. А нет разве?* (Е.Шкловский); *Лена поняла: он*

боится остаться один. Мужчина-ребенок, со сломанным пальцем и головной болью (В.Токарева).

Особой разновидностью ситуации представления является **конкретизация**. При конкретизации происходит сужение объемов понятий: а) от общеместоименных обозначений (*кто-то, что-то*) к имени класса: *Под полом что-то шуршит, скребется. Мыши* (Н.Катерли); б) от родовых к видовым наименованиям: *По реке плыла змея. С желтыми пятнами на голове. Уж* (О.Ермаков); в) от косвенных признаков класса (форма, цвет и т.п.) к обозначению класса: *Однажды я смотрел, как он протягивает пожилому азербайджанцу сельского вида, с изумлением уставившемуся на него, какую-то свисающую бумагу. Я подошел ближе и тоже изумился: факс!* (В.Попов). Как уже отмечалось, это сужение типично для опознавательного-идентифицирующего процесса, остановленного на стадии выявления существенных признаков реалии. Однако появление определителей или сужение до имен узких видовых групп, содержащих единичный индивидуализирующий признак, сближает такие конкретизирующие номинативы с обычной презентивной характеристикой: *Лом — в центре города. Голубой особняк* (В.Токарева); *Утром по субботам просыпаюсь, а меня роза ждет. Бутоны* (Г.Башкирова); *Я завтракал яичницей. Глазунья!* (В.Маканин).

Итак, лексическая и семантическая структура характеризующих НК при разных типах ситуации характеристики существенно различается. При опознавательном-идентифицирующем акте мышления таксономический предикат полностью выполняет задачу гносеологического отождествления, оказывается достаточен для «предварительной», неполной идентификации, но малоинформативен при описательных характеризующих функциях. Семантический удельный вес определителей при таксономических предикатах общего порядка выше, чем при предикатах узкого значения. С другой стороны, по мере нарастания квалификативного признака в семантике существительного характер определений меняется от индивидуализирующих к интенсифицирующим: *Красивая женщина! — Очаровательная брюнетка! — Потрясающая красавица!* Эта семантическая взаимообусловленность соответствует известным языковым закономерностям соотношения информативной ценности существительного и определений при нем [Е.М.Вольф 1978]: чем выше интерпретационная сила опорного существительного, тем менее

информативную функцию выполняют при нем определители, они превращаются в интенсификаторы. Чем менее новой информации несет существительное, чем менее субъективности в интерпретирующем наименовании, тем большую роль приобретают определения.

Глава 3 «Номинативные конструкции разных логико-семантических типов и «среда обитания». Изучение той или иной языковой единицы в плане лексического своеобразия и в аспекте сопоставления с другими явлениями близкой формы или значений представляет собой, по А.В.Бондарко [1984], анализ двух типов среды — парадигматической и синтагматической, во взаимодействии с которыми языковое явление как исходная система проявляет и создает свои свойства. Парадигматическая среда, в частности вариативность лексики, — это внутренняя жизнь конструкции, синтагматическая среда — синтаксический фон, на котором выявляется своеобразие именно данного языкового явления. В этой работе изучение «среды обитания» нацелено на выявление и интерпретацию НК в семантически и синтаксически усложненных («непрозрачных») контекстах, а также в некоторых разновидностях текстов. В разделе 3.1. рассмотрена специфика номинативных построений, которые, подчиняясь «авторской тактике» [Г.А.Золотова 1998], реализуя особые «коммуникативные стратегии говорящего» [Т.Е.Янко 2001], оказываются Б контексте, содержащем доминирующие в данном текстовом пространстве смысловые или синтаксические единицы.

Образованная отсечением (неназванностью) коммуникативно менее важных элементов, номинативная реализация бытийного предложения представляет собой семантически и синтаксически неустойчивую конструкцию. **Семантическая неустойчивость** связана с единственностью эксплицированного компонента семантической структуры. Не поддерживаемый необходимыми смысловыми связями, этот элемент может попадать под действие более сильных семантических организаторов текста, трансформируя свое значение. Семантическим трансформациям подвергаются прежде всего предложения бытийного значения с предметными именами. Объекты бытия, синтаксически отлученные от своего «включающего» фрагмента, могут вовлекаться в орбиту действия других смысловых компонентов, например таких сильных рематизаторов, как слов со значением совокупности: *...» каяошнице стояла обувь, которую Лидия знала наизусть. Коричневые домашние туфли «для гостей» и две пары детских (Л.Улицкая).* Локализатор (в *капошнице*) хоть и присутствует в

контексте, но в слабой (нерематической и неконтактной с НК) позиции; поэтому сфера его влияния при наличии классообразующего понятия (*обувь*) оказывается недостаточной, чтобы организовать последующие номинативные сегменты как смысловые компоненты бытийного предложения. По-видимому, вообще нельзя говорить о сохранении бытийного смысла при неполной речевой реализации той разновидности экзистенциальных структур, в которых область бытия равна совокупности или классу предметов: если в цельной бытийной конструкции существительное со значением «совокупности» предметов исполняет одновременно вмещающую (локализирующую) и включающую (объединяющую) роль (*Среди книг на прилавке были и детективы, и любовные романы, и фантастика*), то при сдвиге такого локализатора в предтекст пространственная соотнесенность, подкреплявшаяся формальным выражением обстоятельственного компонента, ослабляется или вообще утрачивается: *На прилавке лежали книги. Детективы, любовные романы, фантастика*, и на первый план выходят характеризующие признаки объектов.

Другие НК устанавливают реальные семантические связи не столько с самим локализатором, сколько с его признаком (далее подчеркнутым): *Аэропорт был похож на уаскинувший ср. цыганский табор. Раскладушки, чемоданы, узлы и ожидающие сгорбленные спины, похожие на узлы* (В.Токарева); *Проковыляло... существо неопределенного пола и возраста с характерными чертами лица, и Люба сразу узнала — Юркий товарищ по несчастью. Тот псе вдавленный низкий лоб, близко посаженные глаза, торчащий вперед подбородок* (Н.Катерли). Колебания в сторону локализирующего или объединяюще-признакового влияния предтекста здесь будут определяться рематической и контактной с НК позицией конкурирующих элементов, а также предметным или признаковым составом номинативного ряда. В частности, событийные имена, не столь нуждающиеся в поддержке локализатора, не испытывают семантического давления окружающих компонентов в той же степени, что и предметные.

Менее всего воздействуют на логико-семантический статус номинатива контексты, не содержащие объединяющего по отношению к номинативному ряду компонента. В рамках данной работы в качестве такового был рассмотрен контекст обоснования, при котором семантическая структура НК не подвергается существенным изменениям, ср. различие НК характеризующего (*актриса*) и бытийного (*дача, перелом*) типа в одной обосновывающей цепочке: *...Рута*

накидывалась на Татьяну. В ее упреках сквозила классовая ненависть: **актриса, дача, перелом самого мелкого сустава** (В.Токарева). Привлекаясь к выражению логических процедур естественного языка, НК разной семантики демонстрируют специфику своего ЛСТ, отражая различные мыслительные процессы. В реальном мире причинами являются ситуации бытия тех или иных предметов или явлений — и соответственно наилучшим образом для этого предназначены «портретирующие» действительность бытийные предложения: *Ей холодно стоять. Мороз ведь и ветер* (Б.Окуджава); *Сына положили в больницу. Диабет* (М.Румер-Зараев), в том числе предложения актуального наличия с предметными именами: *[Андрей] Не мог не заметить, однако, что все семечки отправлялись девахой в левую часть рта... Пломба в зубе?* (А.Азольский); *Зачем ему понадобились такие деньги? Женщина. Меня бросило в жар...* (Ю.Трифонов), как и *дача, перелом* в примере выше.

Обоснование через обладание свойством и в силу этого отнесенность к определенному классу, вывод одних свойств из других обеспечивается ментальной сферой как результат абстрагирующей деятельности сознания и выражается характеризующими предложениями: *Мара тогда подумала: где это он видел раненую г.тицу? Небось сам и подбил. Детдомовец* (В.Токарева); *Ну вот, неудобно ли: весна... Она — о весне. Женщины... Я замолчал* (Е.Замятин), в том числе предложениями ситуативно-обобщающего типа, объясняющими частное событие как проявление типичного: *Помню, в ночь перед операцией я и то переживал значительно меньше, чем сейчас... Возраст?* (В.Попов).

Сложности **синтаксического** аспекта интерпретации НК представляют тексты экспрессивного синтаксиса (раздел 3.2). При функционировании НК г, актуализирующем типе прозы используется создаваемая ими резкая иктонированность, особая («рваная») ритмичность текста, нарочитая неплавность изложения, свернутость логических и видо-временных отношений — все те эффекты, которые свойственны «рубленому» синтаксису (Г.Н.Акимова; Н.Д.Арутюнова). Экспрессивный синтаксис не просто заимствует для своих целей такую известную конструкцию, как номинативное предложение. Он способен и сам создать ее посредством парцелляции. Расчлененный тип изложения способствует появлению многочисленных и разнообразных конструкций номинативной формы. Не все они, конечно, являются предложениями. Тем не менее вынос парцеллята за рамки базового предложения не всегда ограничивается

лишь стилистическим эффектом, но и дает возможность более свободного семантического и синтаксического поведения субстантивной группы. Разрыв связей отчлененного субстантива с базовым предложением сопровождается семантическими сдвигами и может получить грамматическое выражение: *Нет ничего живучей злости. Почти бессмертная часть природы* (Г.Щербакова); *Совсем недавно она открыла папку с розовыми тесемками, погребенную под ворохом других папок на нижней полке большого книжного шкафа. Папка из глянцевого желто-мраморного картона, который был в моде в десятых годах* (Ю.Трифонов). Важные изменения композиционного или смыслового плана при парцелляции происходят, когда номинативный сегмент в смысловом отношении начинает ориентироваться не только на левый контекст (базовую часть), но и на правую последовательность предложений, включается в различные стилистические фигуры, тематические блоки. Такое номинативное построение уже не принадлежит базовому предложению или только базовому предложению: *Это похоже на игру «кто - кого». Вечная игра. В нее играют взрослые и дети, играют мудрые и легкомысленные...* (Б.Окуджава). Оно «выходит в текст» (Г.Н.Акимова), пополняя, таким образом, группу номинативно оформленных предложений, представляющих тот или иной ЛСТ. Многоступенчатость силы отчленения субстантивной группы и разнообразие переходных случаев позволяют показать, как происходит развертывание скрытой предикативности ИГ при переходе от подчиненного парцеллята к сформированному предложению. Актуализирующий стиль, таким образом, эксплицирует процесс «высвобождения» свернутых форм ЛСТ из структуры базового высказывания.

Иные сложности интерпретации представляет изучение номинативов в текстах, отражающих каноническую речевую ситуацию. Для них недостаточны те критерии, в соответствии с которыми осуществляется семантическая трактовка однооформленных НК идентифицирующего и бытийного значений в нарративе как в неканонической речевой ситуации [Е.В.Падучева 1996]. Ориентация сообщения на собеседника требует учета всех прагматических составляющих речевой ситуации. В разделе 3.3. выявляется различие интерпретационных методик в повествовательных и диалогических формах речи на примере предложений типа *Пожар!*, *Командир!* Если в нарративе предутюминапяс однозначно свидетельствует об опознавательном-идентифицирующем акте мышления, то анализ реплик, ориентированных на собеседника, требует

дополнительных этапов анализа, с привлечением критериев коммуникативной предназначенности сообщения, его успешности и т.п., ср. в следующем примере сначала идентифицирующую (при изображении внутренней речи), а затем бытийную (оповещение собеседника) НК *Валенки: В сумерках он заметил на откосе осыпавшегося от взрыва сугроба, метрах в шестидесяти отсюда, два продолговатых темных пятна. «Валенки! — подумал он. — Черные русские валенки!»*. Наутро эти пятна увидел и *Отто*. — *Господин унтер-офицер, — взволнованно зашептал Отто, — смотрите. Валенки!* (Р.Балакшин).

Глава 4 «Логико-семантические типы предложений и их неполные речевые реализации в болгарском языке (на фоне русского)». При единстве логико-семантических отношений как способов формирования мысли оказывается различным в разных языках набор конструкций, представляющих тот или иной ЛСТ. На уровне конкретных логико-синтаксических структур выявляются те особенности болгарского и русского языков, которые традиционно изучаются в рамках сопоставительного анализа. В разделах **4.1.-4.2** показано, как представлены в болгарском языке (в сопоставлении с русским) полные и неполные разновидности предложений идентификации, характеристики, существования.

Для выражения **идентифицирующего** значения в болгарском языке, как и в русском, обычно¹ служат предложения тождества. Идентифицирующая НК¹ может быть выражена как чистыми идентификаторами (личными местоимениями, именами собственными), так и определенными дескрипциями в референтном употреблении: *Потърпевшият бях аз* (В.Пасков); *Единствената, която не сложила подпис под този парцал, била Лидия* (Х.Калчев); *Не беше ли това самият председателе* (В.Люцканова); *Яким е чоекът, с който излетях на троп си полет* (Х.Калчев). Характерными для болгарского языка являются эмфатические построения с выдвижением идентифицирующего компонента, который предшествует идентифицируемому в виде рестриктивного придаточного предложения: *Как мазках да го направя? Аз ли съм този, който го направи?* (В.Пасков); *Пенка е, която изпя песента*. Как и в русском языке, идентифицирующее значение может быть передано только акцентным

¹ По отношению к болгарскому языку, не обладающему системой именных падежных окончаний, термин «**номинативная** конструкция» применяется условно - для ИГ, не имеющих грамматических показателей подчинения (предлогов, краткого определенного артикля).

выделением рематического именного компонента (в определенно-референтном употреблении) в составе иных структурных типов предложений: *Супермаркета разбих аз!* (В.Пасков), а также с помощью предикатов отождествления: *Убитото момче, за коеторазказа Захарий, се окази Гълъба* (В.Голев).

При однокомпонентной реализации «на поверхность» делегируется коммуникативно наиболее важный элемент — идентифицирующая ИГ, оставляя вне видимости прочие конструктивные и семантические составляющие и нейтрализуя, таким образом, все структурно-синтаксические различия между построениями с идентифицирующим значением в разных языках: *...едно такси спря на отсрещния ъгъп. От него слезе жена в черно. Майката на Анастасия* (Б.Димитрова); *На вратата някоп почука... Виряное* (Г.Стаматов); *Ехо от смях като вой в комин. Нямаше съмнение: Сия!* (Б.Димитрова). В болгарском языке существуют ограничения на использование личных местоимений в идентифицирующих неполных предложениях. Личное местоимение без вспомогательного глагола не может составить идентифицирующее сообщение (как это возможно в русском): *Един профил е жестоко познат. Мъжки. Около него се кипрят три женски същества. Той е* (Д.Стоилов). Одиночным может быть только личное идентифицирующее местоимение при повторном использовании, при подтверждении правильности произведенного отождествления: *Витрината на супермаркета бе назъбена звездовидно — изключително грозна дупка. ••• Той е!* — *крещеме едиа женища и се мъчегие да се хвърли върхумен. — Той!* (В.Пасков).

Русские и болгарские предложения **субстантивной характеристики** даже при полной своей реализации проявляют большее сходство между двумя языками, чем все другие ЛСТ предложений, однако в болгарском — с обязательной представленностью связочного компонента: *Истинският испански херес е прекрасно вино* (П.Вежинов). Неполные речевые варианты характеризуют объект, вводимый в предтексте через ИГ предметного, абстрактного или событийного значения: *Той дори успя да забележи артистката е предната кола, за която му бе съобщено, че е в състава на делегацията. Красива блондинка, която се измъкна небрежно на тротоара и обърна глава точно срещу него* (З.Златанов); *Но в зряла възраст тя [стеснителноетта] е еече вредна, оставя ни порой от неудобства и съмнения. Едно почти душевно заболяване, човекът издренбява* (Д.Коруджиев); *Бръсненето. Удивително досадна работа* (Б.Райнов),

а также через ситуативный антецедент: *Все още обичам да се разхождам под дъжд, както някога. Признак на запазена младост или на застаряваща саможивост* (Б.Димитрова); *Отново видя косата* «... Разкърши рамене и усети, че ръцете му трепереха. **Мръсната слабост, че отново остава сам** (Б.Биолчев). Неполные реализации характеризующего ЛСТ представляют все те текстовые функции и лексико-семантические разновидности, которые были выделены и для русских характеризующих НК: а) презентующая характеристика: *В кулата живеел воденичарският слуга... Младо, спретнато момче* (Г.Божинов), б) обобщающе-интерпретирующая характеристика: *Марков`е от ония хора... дете винаги воюват с някого или с нещо. Това, че някой или нещо може да не им харесва, е съвсем естествено. Но чак пък да воюваш...* **Неврастеници** (Б.Райнов); в) конкретизация, в том числе гносеологическое отождествление: *Овощна градина край шосето. Дръвчета, сякаш окичени със запалени фенерчета. Праскови!* (Б.Димитрова); *Под пейката имаше посипани бели пясъчинки. Наведе се и взе няколко. Захар!* (В.Голев).

В болгарском языке, как и в русском, для выражения разных логико-семантических задач часто используется такая универсальная конструкция, как биноминативное предложение. Особенностью биноминативных предложений в болгарском языке, по сравнению с русским, является **экспликация глагольного компонента в формах настоящего времени**. В однокомпонентных реализациях биноминативных предложений эта характеристика, однако, оказывается нерелевантной, т.к. на неполные предложения правило обязательности связки не распространяется. Тем не менее можно отметить одну важную особенность неполных реализаций, связанных с иредставленностью глагола в связочных предложениях. Она заключается в возможности экспликации бисубстантивных предложений только составным именным сказуемым при опущенном подлежащем - вариант, недопустимый в русском языке: *По коридорите на връщане не срещна никого. Бяха дълги бели коридори, постлани с мрамор* (В.Голев); *Жената, която беге на кормилото, свали тъмните очила. Бете Виолета* (С.Чернишев). На этом фоне выбор однокомпонентной именной реализации происходит чаще всего в контекстах, требующих свернутости речи (ситуации неожиданного обнаружения или узнавания, имитация сжатой внутренней речи), а вариант с глаголом обычно обнаруживается при неспешном рассуждении, ср.: *Пътната врата хлопна. Майка ми!* (К.Константинова) и

Данаил чу да се отваря желязната порта. Първо прозвѣнна предпазливо синджирът, с който я връзеаха, после скръцнаха рждалясите панти... изведнѣж портата млькна, след няколко секунди с писък се върна назад, удари се в другото желязно крило — непремерено движение на човек, който отдавна не я е отварял — и тя зазвѣнтя изненадано, звѣнтя дълго и басово като огромен часовник, отмерващ тежко времето. **Бородин** е. Дали всеки човек по различен начин отваря вратите, или вратите по различен начин посрегат всеки човек? — помисли си Данаил (С.Цанев). Такая же зависимость от экстраординарности ситуации наблюдается и в диалогической речи, ср. отражение опознавательного идентифицирующего акта мышления при неожиданном узнавании и в неспешном разговоре: *Нещо безформеио се проточи от гнездото, преметка се във въздуха и легна безшумно върху дребна бледозелена трева... Ветеринарният Гиню се взря продължително в еднаквите тъмносиви петна и промълви с висок шепот: **Боже, Пейчовата риза!** (Д.Кралев); Там има още съзря до дървото нещо зелено тя. — **Стыаю** е — обърна се по-слабичкият. — **Стъкло** от бара. — **Дропс** е (Ф.Цуракова).*

В **бытийных** предложениях болгарского языка (раздел 4,2) отражаются несколько важных грамматических черт, отличающих его от русского. Во-первых, болгарский язык принадлежит к группе языков, в которых для выражения обладания используется модель с личным глаголом *имам* (при отрицании *нямам*), отличная от сообщений о существовании с безличным глаголом *има* (*няма*), ср. *Имам куче; Нямам кола* и *В гората има вълци; Тук няма стол*. В современном русском языке и для тех, и для других сообщений используется одна и та же модель с локативным оформлением области бытия, в том числе и посессора: *У меня есть собака; В лесу есть волки*. Тем не менее неполные реализации бытийных предложений не эксплицируют принадлежности языка к «*esse*»- или «*habere*»- типу («*have*»- and «*be*»-languages, по [Isafienko 1974]).

Второе серьезное отличие болгарских и русских полных бытийных предложений также связано с активностью предиката *habere*, который не только захватил сферу выражения посессивности, но и (в виде безличного глагола *има*) значительно потеснил глагол *съм* в сфере ядерных экзистенциальных значений. Таким образом, в болгарских бытийных предложениях используется как безличный глагол *има*, так и глагол *съм*, причем различия в конструкциях с *имам* *съм* связаны и с семантикой, и с прагматическими особенностями сообщения, и с

референциальной соотнесенностью объекта бытия. Поэтому, прежде чем показать, как выглядит однокомпонентная модификация бытийных структур, необходимо определить основную коммуникативно-референциальную модель, представляющую бытийный ЛСТ в болгарском языке, и возможные коммуникативные варианты этой модели. Выделение исходной модели, по отношению к которой можно определять ту или иную степень удаленности каждого коммуникативного варианта от центра поля, позволит обнаружить периферийные явления и вывести за рамки бытийного типа референциальные трансформации, меняющие логическую структуру сообщения.

Как представляется, в качестве основной коммуникативно-референциальной модели бытийного предложения в болгарском языке выступает конструкция с глаголом *има*. С. ним будут употребляться и все варианты исходной модели, составляющие ядро поля бытийности. Это коммуникативно-нейтральные структуры, в которых значение бытийности входит в коммуникативный фокус высказывания, то есть в рему, и те коммуникативные варианты, в которых бытийный предикат отмечен акцентным выделением как подчеркнутый или контрастный элемент: *В задних двор ими тесен проход за боклукчипски кофи* (Б.Димитрова); *В квартирата имало стари следи от влага* (В.Цонев); *Ими нещо, което криеш* (Е.Станев); *В Н. нямаше друга болница* (А.Гуляшки); *Има ли желатели? Добри ученици в класа имаше, но нямаше отличници.*

Бытийные предложения с *съм* находятся на периферии поля бытийности. Основные особенности предметных бытийных моделей с *съм* по сравнению с ш*а-конструкциями состоят в следующем: а) они сообщают о наличии определенных (известных, индивидуализированных или находящихся в общем перцептивном пространстве собеседников) объектов: *Улътих се към пощата, където бе градят паркинг* (В.Пасков); *Зад полети е реката; Нсюколо си тепетата*; б) они предполагают заполненность пространства указанными предметами, следствием чего является требование семантической координации объемов пространства и включенных в него объектов: *В ъгъла на стаята е бюрото; До прозореца е дъеката; В долното чекмедже на бюфета са бонбоните*, ср.: **В стаята е бюрото; *В аудиторията е дъеката; *В бюфета са бонбоните*; в) они способны выражать подчеркнутую статичность перцепции, созерцательность (*Пред нас беше равна и пуста поляна; Наоколо бяха лозя*), демонстрировать стилистический прием интимизации — приобщения

слушающего к знанию говорящего, ср.: *Тук има гардероб, където преподавателите си оставят палтата.* — *Тук е гардеробът, където преподавателите си оставят палтата.*

Противопоставление предложений с *има* и *съм* (по крайней мере с предметными именами) во многом напоминает оппозицию глагольных и безглагольных бытийных предложений в русском языке. Сопоставим эти модели.

1. Для русского языка было установлено, что отсутствие глагола в бытийной структуре с локализатором указывает на полную исчерпанность включаемых элементов в область бытия, а конструкция с *есть* этого не предполагает. Болгарское имя-предложение соединяет сущности без ограничения объема: *В чантата има пари; В гората има гъби*, а сълг-конструкция предусматривает заполненность объема локализатора или, по крайней мере, доминирование предмета в указанном пространстве: *Багажът се свежда до три парчета. Един доста нов куфар от фибър, дето са дрехите, друг картонен... дето съм наблъекал книгите и най-сетне една бохча...* (Б.Райнов).

В связи с отсутствием в болгарском языке д'-конструкции со значением обладания оказывается невозможным семантическое противопоставление безглагольных и глагольных моделей типа *У нее седые волосы* и *У нее есть седые волосы* (как и в других *habere-языках* [О.Н.Селиверстова 1977; А.В.Головачева 1989]).

2. Русские безглагольные предложения допускают и определенную, и неопределенную ИГ: *Посмотри, на балконе какой-то человек.* — *Посмотри, на балконе твой приятель.* В болгарском языке в гшя-предложениях возможны только неопределенные ИГ; привлечение же идентифицирующей информации обязательно меняет *има* на *съм*: *Виж, на балкона 'има някакъв човек!* — *Виж, на балкона е приятелям та!*

3. Наблюдения над особенностями русских безглагольных построений показали их способность формировать (при предметно-пространственном локализаторе) созерцательные сообщения в описательных текстах, в то время как предложения с *есть* могут создавать «утилитарные» [Т.Е.Янко 2000] высказывания. Съл<-предложения, как и русские безглагольные, демонстрируют созерцательность позиции автора сообщения. Использование в них перцептивных обстоятельств способствует созданию эффекта включения адресата в перцептивное пространство говорящего. Болгарские предложения с *има* не

маркированы относительно этих значений. Этот вывод согласуется с наблюдением Т.Е.Янко [1999] о том, что глагол *иметь* в русском языке может реализовать модель и виртуального, и актуального обладания.

В целом можно утверждать, что классические бытийные предложения (с глаголом *есть* в русском языке и с глаголом *има* в болгарском языке) обладают набором близких характеристик и закономерностей «поддержания» бытийного значения в коммуникативно сильных позициях. Болгарские предложения с *съм*, как и русские безглагольные предложения, находятся на периферии поля бытийности. Вообще в языках, где одна и та же лексема способна выполнять и связочные, и бытийные функции, непременно существует группа структур «зоны риска», т.е. включающих этот глагольный компонент с неотчетливой, «плавающей» семантической границей. Особенно это заметно в русских бытийных предложениях, которые используют только лексему *есть* в качестве и бытийного, и связочного глагола. Но те же признаки периферийности демонстрирует и болгарское *съм*. Затемненность логико-семантического статуса экзистенциальных моделей с *съм* особенно проявляется в предложениях, сообщающих о состояниях и временных отрезках. Экзистенциальные предложения с именами действия характеризуются особыми правилами распределения предикатов *има/няма* и *съм*.

Безглагольные бытийные предложения болгарского языка допускают как определенные, так и неопределенные ИГ, не имеют ограничений в соотношении объемов сопоставляемых фрагментов. Однако если опущение глагола в болгарском (предметном) предложении — лишь вопрос стилистического выбора [Стоянов С. 1970], не затрагивающий семантику высказывания, то в русском языке чаще всего возможен лишь один, семантически значимый, вариант, ср. болг. *На стената има картина. — На стената — картина, до леглото — голяма ваза с цветя; На главата му има шапка. — На главата му — шапка, в ръцете — куфар* и рус. *На стене картина; На голове у него шляпа (*На стене есть картина; *На голове у него есть шляпа).*

В однокомпонентных бытийных реализациях нейтрализуются не только различия между *съм*- и *има*-предложениями, но и расхождения в форме сообщений о существовании и обладании, поскольку эксплицировано только имя объекта бытия. Болгарские бытийные НК демонстрируют полный параллелизм с соответствующими предложениями в русском языке по всем рассмотренным

выше аспектам анализа бытийного предложения. Так, бытийное значение наиболее отчетливо сохраняется при выраженности «вместилища» в предтексте (в том числе и при «квазилокализаторе»): *Върху постелка от вестник, загнана в тъкана кърпа, се тулеше тънка пратка. Анги я измъкна и разгърна. Черна тетрадка* (Б.Димитрова); *Разтварям ципа на сакчето. Хавлиена кърпа* (А.Стоянов); *Оставям цигарите и кибрита си на масата и разгръщам вестника. Сражения във Виетнам и гранични инциденти на израело-сирийската граница. Нищо особено. Леко повишаване цената на свинското. Аз свинско не ям* (Б.Райнов). В отсутствие эксплицитного локализатора компенсаторные функции выполняет контекст, который формирует вмещающий фрагмент, равный пространству восприятия эмпатического персонажа: *Скалов излезе ни балкона. Витоша, Драгалевци, Бояна* (Г.Стаматов); *До мен спря мотор. Две момчета* (Б.Априлов).

Восприятие человека как единого психофизиологического целого, как «вместилища» материальных и духовных констант допускает существование именных бытийных предложений, описывающих внешние и внутренние «компоненты» человека, его качественные признаки и состояния: *Той стреснато вдигна глава... Бръчки по челото. Костюм, вратовръзка* (В.Пасков); *Слаба, изпита до капка жена. Убита походка* (Б.Димитрова); *Томас. Дипломат от среден ранг или разузнавач от средни ръка. Обичайната агресивност на всяко нищо, жадуващо да стане нещо* (Б.Райнов); *На всеки половин час ново тяло влиза във водата, Двайсет минути блаженство и надежди. От негова страна. А от моя — вътрешно безразличие...* (А.Ценев).

В событийных НК используются синтаксические возможности отглагольных существительных и других имен действия: *Тълпата се люпина напред към оградата, после се отдръпна малко, като да събере сила. Нов птасък* (Д.Стоилов); *Кирил отваря вратата. Последен поглед, преди да го погълне нощта* (Б.Димитрова); в том числе предметных существительных, имплицитующих соответствующий их семантике предикат: *Пак шампански* (Д.Стоилов); *Телефонът. Двамата се стресват...* (Б.Димитрова); *Отново пуловер, отново зимното яке. Вървя към близкия плаж и зная, че няма да вляза във водата* (Б.Априлов).

Таким образом, расхождения между наборами логико-синтаксических структур в русском и болгарском языках для каждого ЛСТ проявляются в разной

степени. Так, в области бытийных предложений отсутствует полный параллелизм в наборе возможных логико-синтаксических моделей; имеются специфические средства и для выражения идентифицирующего значения.

При однокомпонентных реализациях синтаксические и морфолого-синтаксические расхождения между предложениями разных ЛСТ обоих языков не эксплицируются. В НК сохраняются, однако, различия, связанные с возможностями грамматического выражения категории определенности / неопределенности, которая, как известно, в русском имеет статус скрытой категории, а в болгарском — эксплицитной. В разделе 4.3 рассмотрена связь артиклевой маркированности с семантикой однокомпонентного высказывания.

НК, в целом, сохраняет те же артиклевые показатели, что и соответствующая ИГ в составе полных реализаций. Существительное (объект бытия) в предложениях о существовании имеет, в классическом случае, неопределенно-референтное употребление, поэтому выступает в общей форме, в том числе и при неполной реализации: *Леглото беше точно под етълбата... Маса под ииското прозорче. Войнишко шкафче, върху него котлон. В ъгъла завеса* (Б.Биолчев).

Главная предназначенность бытийных предложений — это введение в рассмотрение нового объекта, поэтому конкретно-референтные ИГ, указывающие на определенный объект, как и в русском языке, малоупотребительны: *Топ върви покорно след нея, няма време да попита за нищо. Брегът. Тръгват по него* (П.Ангов). Слабоопределенные ИГ с *един* для однокомпонентных бытийных предложений также не характерны. Дело в том, что основная функция *един* в цельных бытийных структурах — интродукция объекта бытия. Однако эта функция реализуется с обязательным участием глагольного компонента (*Имало едко време един крал*). ИГ в слабоопределенном денотативном статусе может появиться при однокомпонентных бытийных реализациях только в контекстуально-связанном употреблении, как, например, в следующем обосновывающем именном сегменте: *Нощите са прекарани не с Ееба, а с химикаката. Една пиеска, конто отдавна ми е поръчана, но за конто съм се сетил едва напоследък* (Б.Райнов). Использование *един* в рамках бытийного типа БОЧМОЖКО, однако, в качестве показателя неопределенно-референтного статуса: *Повдигам гнусно капака с един пръст. Въннена фланелка без яка, прибори за бръснене, долни гащи, чорапи. И един албум* (З.Златанов).

Следует ожидать, что в **характеризующих** предложениях регулярно будет представлена безартиклевая форма имени, соответствующая предикатному употреблению, а в **идентифицирующих** — форма с определенным артиклем, ср. соответственно: *Младият мъж се казваше Симо Попов. Биолог в научен институт* (Д.Стоилов); *На седалката, заметната с чаршаф, продължи пътя си градски човек с дрехи от тънък плат и спокойно, гладко лице. Инженерът. Минал да провери как се поддържа шосето* (Н.Ралчева). Тем не менее семантическая интерпретация с опорой только на артиклевую маркированность сегмента недопустима, т.к. семантико-прагматические установки говорящего и правила артиклевой маркировки не совпадают в полной мере, ср., например, оформленность определенным артиклем идентифицирующих (примеры 1) и характеризующих (примеры 2) ИГ:

(1) *През дърворезба от бръчки едва-едва се разгатват същите черти. Майката* (Б.Димитрова); *И полетя [корабът] към черепа на първия виолончелист. Шефът на гробищните битълси. Същият, копия си слагаше тапи в ушите по време на репетиция* (В.Пасков),

(2) *Высока жена минава край мен... До нея по-млада. Явно дъщерята* (П.Тушков); *Имаше и един възрастен и мил човекец — Ханс. Най-старият сценичен работник* (В.Пасков).

С другой стороны, отсутствует артикль не только при предикатных употреблениях, но и при «жестких десигнаторах» и некоторых релятивах с последующими краткими притяжательными местоимениями: *Нейде из тълпата се мярна прошарена коса и се стопи в сивотата на улицата. Фидана* (Б.Димитрова); *От нея [снимката] ме погледнаха жена и дете, привели гнаги една към друга. Майка ми и аз* (В.Люцканова).

В разделе 4.4 представлены наблюдения над особенностями расчлененного построения речи в болгарском языке, показано, как отсутствие именного склонения и артиклевые трансформации влияют на образование НК в условиях актуализированного синтаксиса.

В **Заключении** подведены итоги исследования в соответствии с основными положениями, выносимыми на защиту. Отмечено, в частности, следующее.

1. Задача семантической интерпретации номинативных построений может быть решена исследовательскими методами семантического и коммуникативного

синтаксиса, позволяющими снять те ограничения, которые заставляли лингвистов придерживаться объединения в одну структурную группу разных по значению предложений. «Воздействие гипноза формы бышо преодолено, в сущности, только в рамках логического синтаксиса» [А.М.Ломов 1994]. Изучение предложения в терминах семантических составляющих, введение понятия речевых реализаций семантических типов предложений, анализ поведения предложения при исполнении коммуникативных стратегий говорящего позволяют выявить и расшифровать изоморфность конструкций различной семантики.

2. Семантическая интерпретация НК предполагает выявление особенностей устройства и состава номинативного сегмента.

Синтаксические возможности категориальных и семантических подклассов лексики по-разному проявляются в НК различных ЛСТ. Для решения коммуникативных задач каждого из трех рассмотренных ЛСТ сообщений (бытийного, идентифицирующего и характеризующего) привлекаются все категориальные подклассы лексики. Другое дело, что, во-первых, различные лексические группы в неодинаковой степени задействованы для выражения той или иной семантики. Во-вторых, одна и та же лексика используется для разных коммуникативных задач разными сторонами своего значения: сигнификативной либо денотативной.

У конкретно-предметной лексики в предложениях характеристики активизируется сигнификативный аспект значения. В идентифицирующих предложениях важен денотативный смысл предметной лексемы, с помощью которого осуществляется отсылка к предшествующей информации об объекте. В бытийных же предложениях, сообщающих о наличии неопределенно-референтного объекта, эксплуатируются и предметный, и понятийный планы: вводится объект, экспонированный своими таксономическими характеристиками.

Конкретные существительные с предикатными семами (*молодец, подлец*), естественно, тяготеют к характеризующему употреблению, а имена, более приспособленные к идентифицирующему использованию, прежде всего собственные и дейктические, — к позиции рематической ИГ в идентифицирующих предложениях. Имена номинальных и естественных классов могут использоваться в любой семантической группе НК, активизируя соответствующий данному ЛСТ аспект значения. Наиболее свободным оказывается поведение функциональных и релятивных имен лиц, фиксирующих

«жизненные амплуа» человека (Н.Д.Арутюнова). В составе номинативных сегментов они одинаково успешно употребляются как для соотнесения с конкретным объектом (в идентифицирующих предложениях), так и для указания на свойство (в предикатных употреблениях), ср. соответственно: *В новогоднюю ночь Светлана Ивановна проснулась от страстного объяснения в любви. Мелькнуло и больно укололо подозрение: не муж ли? По шепоту трудно сразу узнать, но вот одна громкая фраза, и она с облегчением вздохнула — всего лишь Жаканов. Кому это он, интересно? Неужели Оленьке? (Н.Горланова) и Нередко приезжали вдвоем с каким-то рыжим высоким парнем, он подхватывал ее на руки и уносил в дом. Муж? Любовник? (Г.Николаев).*

Пропозициональная лексика в прямом своем значении (обозначения действий и состояний) организует бытийные предложения, понятийный же аспект этих лексем проявляется в характеризующих построениях обобщающего типа.

Имена качеств в редких случаях организуют однокомпонентное бытийное предложение: наиболее естественна для них результирующе-характеризующая функция.

Любая НК может включать в свой состав характеризующие определители. Их семантическая роль, их удельный вес в именном комплексе связан прежде всего со степенью семантической насыщенности опорного слова квалификативными семами. При таксономических именах определители несут в характеризующих предложениях главную информативную нагрузку, в бытийных и идентифицирующих — дополнительную. При предикатных существительных роль определителей трансформируется в актуализирующую, интенсифицирующую. Ограничительные, индивидуализирующие определители естественным образом используются при идентификации.

3. Важную роль в установлении семантики НК играет анализ контекста, в который могут быть сдвинуты другие семантические составляющие. При невыраженности каких-л. компонентов смысла контекст выполняет компенсаторные функции. Исследование контекста позволяет выявить в нем элементы логико-семантической организации, необходимые для поддержания тех или иных логико-семантических отношений. Так, для бытийного ЛСГ, по крайней мере для несобытийных сущностей, важнейшим фактором является наличие локализатора в контексте, для идентифицирующего и характеризующего типа — обозначенность объекта, подвергаемого характеристике или идентификации. Для

двух последних ЛСТ не менее важным оказывается выявление в тексте прагматических установок и предметной соотнесенности ИГ, что позволяет провести различия между этими типами предложений.

4. В контекстах, которые содержат рематизирующие смысловые компоненты, требующие устранения «прагматического пробела», приводятся в действие особые «коммуникативные стратегии говорящего» [Т.Е.Янко 2001]. Как показал анализ, поведение неполных предложений разной семантики и разного категориально-лексического наполнения под давлением рематизаторов оказывается неодинаковым. Некоторые из однокомпонентных реализаций испытывают семантические трансформации; в других случаях значимой трансформации ЛСТ не происходит.

Более всего воздействуют на ЛСТ номинативного построения контексты, содержащие объединяющий компонент, который организует последующие номинативы для выражения разных вариантов отношений «целое и его составляющие». Семантическим трансформациям подвергаются прежде всего предложения бытийного значения с предметными именами, в которых легко активизируется таксономическая составляющая. Менее всего подвергается изменению семантика номинатива при реализации коммуникативной стратегии, связанной с обоснованием предшествующего сообщения. Для выражения значения обоснования служат как бытийные, так и характеризующие предложения. Отражая различные мыслительные процессы в рамках этой логической процедуры, они сохраняют специфику своего ЛСТ: бытийные НК фиксируют ситуации-причины внешнего мира, а с помощью характеризующих НК процедура обоснования строится как оперирование признаками, что формирует мотивацию на основе таксономии, квалификации, обобщения.

Проведенный в диссертации анализ функционирования НК разных ЛСТ в «непрозрачных» контекстах позволил определиться с причинами неоднозначной квалификации многих контекстуально-зависимых номинативов, относящихся к области спорных, «проблемных» синтаксических явлений. Такие номинативы появляются как следствие реализации специфических коммуникативных установок говорящего, которые способны не только трансформировать интонационную структуру, но и модифицировать типичные функции того или иного предложения, создавая конструкции колеблющегося логико-семантического статуса. Переориентируясь на выполнение особых смысловых

задач (обоснование, конкретизация, раскрытие признака), номинативные высказывания могут удержаться в рамках своего ЛСТ либо активизировать черты другого ЛСТ.

5. Изучение семантики номинативных построений позволяет предположить, что НК, представляющие различные ЛСТ, по-разному отражают разные этапы процесса восприятия и переработки информации.

Процесс восприятия, как известно, включает несколько стадий — от первых физиологических реакций органов чувств до ментальной обработки полученных данных, что находит отражение и в языковых построениях [Е.В.Падучева 2001]: *я увидел нечто светлое* (общие параметрические или цветовые характеристики); *я увидел березу* (таксономия); *я увидел подходящее дерево* (общекатегориальная таксономия + оценка). Первый этап редко находит языковое выражение. Для человека информативную ценность представляет не просто перечисление основных характеристик объекта, которые он воспринимает зрением или другими органами чувств; ему необходимо произвести таксономическую идентификацию, установить тождество предмета ранее полученным знаниям, выявить его свойства, осуществить характеризацию.

Бытийные НК называют объект восприятия, обозначенный своими таксономическими характеристиками, возможно, с введением квалифицирующих характеристик, в единичных случаях — полное, окончательное идентифицирующее обозначение объекта. Другие, не бытийные НК, отражают исключительно ментальные этапы познавательного процесса, заключающиеся в обработке имеющейся информации. Так, если предмет описан лишь по основным (общим) перцептивным характеристикам, может быть произведена его таксономия (общекатегоризальная или родо-видовая) или сразу же полная идентификация. Последняя все же чаще совершается при наличии некоторого набора предварительно выведенных характеризующих признаков.

Если объект задан по таксономическим признакам, далее он может быть уже охарактеризован. Обобщающая, выводная характеризация, осуществляемая по заданным ранее признакам, может считаться высшим уровнем обобщения в рамках языкового выражения через НК. В грубом приближении эту последовательность можно представить следующим образом:

1) выделение предметов на общем фоне и фиксация основных перцептивных данных (бытийные НК в контексте восприятия),

- 2) «обработка» полученной информации на этапе таксономии (таксономические НК опознавательного-идентифицирующего акта мышления),
- 3) выделение новых признаков объекта (НК первичной характеристики),
- 4) логическая операция идентификации (НК полной идентификации),
- 5) логическая операция обобщения (НК обобщающей, интерпретирующей характеристики).

Нетрудно заметить, что отражение разных этапов познавательного процесса с помощью неполных реализаций предложений в виде номинативных конструкций происходит в соответствии с возможностями языка представить информацию через событийные и онтологические пропозиции (см. концепции Т.В.Шмелевой [1994] и В.В.Гладрова [2002]). Бытийные НК «портретируют», фиксируют действительность, отражая уровень «констатирующего мышления» [И.Георгиев 1977], а идентификация и характеристика относятся к умственным операциям с полученными данными, но с разной степенью подключения ментальных этапов познавательного процесса.

Основные положения диссертации отражены, в частности, в следующих работах автора:

1. Логико-Семантические типы предложений: Неполные речевые реализации. — СПб.: СПбГУ (Филологический факультет), 2003. — 208 с. — 13 п.л.
2. Конструкции экспрессивного синтаксиса в современном болгарском языке: Учебное пособие. — СПб.: СПбГУ, 1999. — 94 с. — 5,6 п.л.
3. Постпозитивни имени групи в българския език // Научни трудове / Пловдивски Университет «П.Хилендарски». — Т. 32. — Кн. 1: Филологии. — 1994. — С. 49-53. — 0,3 п.л.
4. Экспрессивные синтаксические конструкции в болгарском языке (на материале романа Б.Райнова «Само за мъже») // Болгарский ежегодник. — Т. 1. — Харьков, 1994. — С. 227-238. — 0,6 п.л.
5. Неопределенный артикль как маркер высказываний с таксономическим значением // Научни трудове / ПЛОВДИЕСКИ Университет «П.Хилендарски». — Т. 32. — Кн. 1: Филологии. — 1994. — С. 389-392. — 0,3 п.л.

6. Неопределенный артикль «един» в именных присоединительных конструкциях // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Сер. 2: Истор., яз., лит. — 1994. — Вып. 3. — С. 112-115. — 0,4 п.л.

7. Сегментированные конструкции и другие формы представления в системе синтаксиса болгарского языка // Българистични проучвания. — Велико Търново. — 1996. — С. 137-144. — 0,5 п.л.

8. О некоторых спорных вопросах в изучении парцелляции // Научни трудове / Пловдивски Университет «П.Хилендарски». — Т. 36. — Кн. 1: Филологии. — 1998. — С. 255-260. — 0,4 п.л.

9. Отчлененные именные группы с атрибутивной семантикой в современной болгарской прозе // Славистический сборник. — СПб.: СПбГУ, 1998. — С. 86-91. — 0,3 п.л.

10. Характеризация лица: традиционный синтаксис и экспрессивный номинатив (на материале русского и болгарского языков) // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Сер. 2: Истор., яз., лит. — 1999. — Вып. 1. — С. 54-60. — 0,6 п.л.

11. Въпросът за именното (номинативно) изречение в съвременните дуски синтактични концепции // Научни трудове / Пловдивски Университет «П.Хилендарски». — Т. 37. — Кн. 1: Филологии. — 1999. — С. 423-428. — 0,3 п.л.

12. Идентифицирующие предложения в художественном тексте: Одпочлепный вариант реализации (на материале русского и болгарского языков) // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Сер. 2: Истор., яз., лит. — 2001. — Вып. 4, — С. 63-70, — 0,6 п.л.

13. Непълни текстови реализации на семантични типове изречения // Научни трудове / Пловдивски Университет «П.Хилендарски». — Т. 39. — Кн. 1: Филологии. — 2001. — С. 567-574. — 0,4 п.л.

14. *Има* и *съм* в болгарских бытийных предложениях (в сопоставлении с русскими) // Съпоставително езикознание. — 2002. — Кн. 2. — С. 5-23. — 1,0 п.л.

Всего по теме диссертации опубликовано 28 работ общим объемом 27 п.л.